

Марик Лернер

Будущее война

Юность война

Марик Лернер
Будущее война

«Автор»

2015

Лернер М.

Будущее война / М. Лернер — «Автор», 2015 — (Юность война)

Живи сегодня, потому что вчера уже нет, а завтра, может, и не будет? Нет. Это подходит для простых фемов. Он же сумел подняться и отныне обязан думать о будущем. Истинный властитель в первую очередь обязан считаться с нуждами народа и заботиться о нем. Ведь для чего дается власть, как не для защиты живущих на твоей земле. На пути к цели снова кровь и смерти? Он для того и родился, чтобы сражаться. И поражения не могут остановить его. Это всего лишь отсрочка. Для того чтобы собраться с силами и вновь идти вперед.

© Лернер М., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1. Управление государством	5
Глава 2. Отношения с близкими	13
Глава 3. Будущее создаем сегодня	22
Глава 4. Победа	29
Глава 5. Невеста	38
Глава 6. Выиграть без боя	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Марик Лернер

Будущее война

Глава 1. Управление государством

Он выглядел статуей, непонятно зачем покрытой железом. Столь же могуч, огромен и неподвижен. Последнее оказалось наиболее обидным. Можно было суетиться, прыгать вокруг, нападать – результат один. Практически не сдвигаясь с места он отражал любые наскоки, а вопреки попыткам задать высокий темп его меч продолжал двигаться с бешеной скоростью, не позволяя пробить защиту. Сила быка, чутье волка. Выносливость огромного механизма-колеса, качающего воду.

Блор остановился, переводя дух, и тут человек-статуя неожиданно задвигался. Вопреки своему виду гранитной колонны он оказался опасно быстрым. Показав направление выпада в голову, в последнее мгновение человек неуловимо скользко развернул клинок, намечая рубящий в плечо слева. Блор вынужденно поднырнул под меч, уходя вниз.

Он буквально слышал, как затрещали связки от усилия, и в последней надежде ткнул острием Злюки в район бедра. Попал. Да только в реальном бою вряд ли сумел бы пробить доспех серьезно. Ущерб нанесен не смертельный, хотя неприятный, и в принципе можно дожидаться, пока противник истечет кровью. Зато мощный удар меча даже плашмя бросил его на землю. Очередное поражение.

С трудом поднялся и отсалютовал. В принципе этому без разницы, достаточно быстро Блор понял – его партнер по тренировкам не отличается особым умом. То ли от рождения такой, то ли маги специально убрали умение мыслить. Так и остался на уровне ребенка. Сильного, умелого в обращении с оружием, однако при полном отсутствии фантазии и любопытства.

Не суть важно, исключительно для себя надо вести себя правильно. И непременно менять тактику. Наскоки здесь не помогают. Это не человек, а нечто ненормальное. При таком весе он легко поднимет огромный камень, но просто не способен двигаться быстро и долго. Великая вещь – умело используемая магия. Никакими тренировками не добиться равенства с измененным. Что, впрочем, совершенно не гарантирует долгой жизни.

Убить такого достаточно просто. Пара арбалетчиков или нож в спину. Это не проблема: куча способов. *Яд* в пищу, например. Противно такие вещи обдумывать, однако будущее непредсказуемо. Глядишь, и понадобится пройти через заслон подобных типов. Мастер обязан уметь все и знать, в чем сила любого противника. И все же лично его тренировки не закончатся, пока не начнет уверенно пробивать оборону.

Машинально среагировав на происходящее, Блор подсек и одним рывком выдернул удочку. С раздражением обнаружил на крючке маленькую плотвичку. Ну что за день сегодня такой! Ничего нормально не выходит. Сначала выложился на тренировке, так и не сумев все-ррез достать подаренного герцогом бойца. Затем вынужденно долго выслушивал новости из-за Каменного пояса. Третий год он старательно прикармливал федератов, отправляя туда обозы с продовольствием. И дело скорее не в почетном звании посадника. Замечательная возможность получить серьезнейший рычаг на решения Гезерди.

Он насадил рыбку на крючок и вновь отправил ее за борт. Пусть послужит приманкой для более крупных. В тихую погоду можно было легко рассмотреть косяки рыб в воде. Они, будто люди, старались не пересекаться. Плотва ходила поверху, то и дело мелькая на поверхности и вспыхивая под солнечными лучами мокрыми спинами и боками. Ниже гуляли уже более солидные окуни. Их темно-зеленые спины и желтое брюшко ни с чем не спутаешь. И

страшными одиночками мелькали огромные щуки в самой глубине. Этих он не любил за жесткое мясо.

Достаточно быстро клюнуло, и Блор извлек приличного окуня. А потом еще одного, и еще. Он посмотрел на итог и мысленно усмехнулся. Зачем ему столько? На самом деле ведь не на рыбалку собрался. Ему не требовалось забить лодку до самых краев. Просто это чуть ли не единственное занятие и место, где можно побыть одному. Опять заявились ходатаи с рассказами о плохом урожае и просьбами скостить повинности.

Соричане в очередной раз забузили, и пора им внушить вразумление жесткими мерами. Во главе карательного отряда чрезвычайно важно поставить своего человека, а не пустить дело на самотек. Джаха, «Неудержимый» командир четвертого полка, получил земли как раз по соседству, но сдерживать его надо обязательно. Иначе «лекарство» может оказаться хуже болезни. Истребление крестьян сейчас абсолютно не ко времени.

Империя, окончательно разобидевшись на непочтительное поведение отправившихся за Каменный пояс без спроса и отказ повиниться, объявила почти полсотни его ближайших соратников вне закона. Естественно, и лично их руководителя – Блора фем Грая. Это означало, что любой теперь на территории Империи мог их ограбить и убить без всякого риска.

На оправдания, что не с целью прославиться или посрамления кого устремился в бой, а исключительно из сочувствия страдающим людям на Каменном поясе и примученным злодеями племенам, мечтающим войти в Империю и пострадавшим от дикого народа из-за бездействия со стороны чиновников, внимания не обратили. Тем более не имело смысла распинаться – мол, вы и пальцем не шевельнули, а я рискнул собою, дабы обеспечить безопасность подданных.

Почти открыто ему передали: хочешь продолжать свои дела – мы вмешиваться не станем, однако будь любезен, изволь оценить правильно свои действия. Взятку огромного размера пришлось давать через неофициальных посланцев вроде лорда Кнаута, и после нее вроде бы уже прозвучавший указ неожиданно стал считаться недействительным. Про новое царство и его хозяев временно забыли.

Но ведь при этом и федератам по-прежнему не посылали субсидий вопреки всем попыткам фемов, проживающих в провинциях, добиться возврата прежнего положения. Выходило, они должны отдуваться за странные столичные заскоки. Налогов уменьшать никто не думал, и притом ни денежной, ни военной помощи Карунас не собирался оказывать. Там строили огромный дворцовый комплекс, веселились и на проблемы северных провинций или федератов внимания обращали крайне мало.

Естественно, в подобном положении ни трем племенам, ни фемам с севера было как-то не до ссор с новым хозяином царства. Как раз напротив, контакты продолжались на диво интенсивные, подстегиваемые жадностью и угрозой голода. Алчность и зависть правили бал, заставляя забыть об императорских указах. Блор платил полновесным золотом и серебром за необходимое ему. Ничего удивительного. Помимо золотых россыпей, давших ему свыше двухсот пудов драгоценного металла с начала разработок, а самые первые самородки по сути лежали на поверхности, он заполучил и казну горичан.

Вот с этим оказалось много сложнее. Сорок восемь тонн золота и втрое больше серебра в слитках и изделиях (самое занятное – огромная двадцатипудовая чаша, неизвестно для каких целей изготовленная) не лежали горами во дворце, к его полному удовольствию. Как-то не рассчитывал бывший царь делиться с победителями. В обстановке полной секретности рабы перекрыли ручей, в его русле зарыли драгоценности, после чего разрушили плотину и были прикончены небольшим отрядом доверенных людей.

Вот тут-то Денес доказал, насколько он важен. Неведомыми путями прознав о прячущемся Шибане, главе слухачей и исполнителе приговоров, он сумел его задержать и допросить. Пытал Шибана долго и страшно, никому не доверив столь ответственного дела. Узнал многое

и даже сохранил для себя знатока обстановки живым на будущее. Вмешиваться Блор не стал. Сам уже не маленький, сможет получить пользу от сомнительного типа – молодец.

Лично он не то чтобы неожиданно, но внезапно стал богат. Жутко богат по любым меркам, как и основная часть его командиров, решившихся на неординарный поступок остаться здесь. И в то же время все благополучие его висело на волоске. Сначала два года войска ходили, сжигая имущества и уничтожая чужое добро, по полям и деревням, так что местами огромные территории обезлюдели. Затем вынужденно пришлось чуть ли не на треть снизить налоги свободным крестьянам. Иначе мятежи не затихли бы так быстро и новая власть потеряла бы заметно больше в бесконечных стычках.

Вот и пришлось невозделанную вследствие войн часть земли предложить всем желающим на условиях сдачи ежегодного урожая в таком размере: одну десятую часть от сбора посевов, одну пятую – насаждений. Определена была также плата и за пастбища для крупного и мелкого скота. Это хорошо в перспективе, но не сейчас. Многих пришлось еще и подкармливать, вопреки ожиданиям. И запланированная сеть государственных складов на случай неурожая и бедствия пребывала в зачаточном состоянии.

Рожь этой осенью не уродилась, и все висело на волоске. Прожить можно и на картошке, но вряд ли подобное существование на грани голода станет приятным, а что ожидает в будущем году – неизвестно. Приметы называли самые отвратительные.

Пока что Блор имел возможность закупать на юге у моря через доверенных посредников продовольствие в любых количествах. Штамп для монет ему соорудили знающие специалисты, и с виду ничем не отличающиеся от оригинального образца империялы охотно брали везде, проба правильная. Даже лучше столичных. А это еще одно преступление против законов и положений Империи и карается жесточайшим образом. Точнее, два: сама подделка и меньшая порча золота примесями. Так некуда больше бояться. Он поставил свою голову на кон давно, и возврата к прежнему положению нет. Тем более что опять, как и прежде, его несет по течению.

Выбора нет. Десятки и сотни тысяч людей с обеих сторон хребта зависят от него, и при всем желании уже не плюнуть и не заявить: как хотите, так и выкручивайтесь. Решать ему. Сам добивался – пришло время расплачиваться. Кому много дали боги, с того много спросится – это Блор усвоил твердо.

Он почувствовал тревогу Возмездия, оставшегося на берегу, а затем пришел ветер. Здешний никогда не предупреждал заранее о своем появлении, падая внезапно и норовя резко толкнуть волной в борт. Осенью это случалось часто, столь же часто стихия бушевала несколько дней подряд. Сейчас вроде как пронесло. Слегка помотало и затихло. Блор не стал дожидаться повторения. Намек понятен. Пора грести к берегу.

– Ыба! – восторженно воскликнула Анжи, показывая пальчиком на его добычу.

От матери она будто специально не взяла ничего. Смугленькая, темноволосая, крепенькая. Все дружно уверяли в похожести на него. Блор в глубине души был уверен: его молитвы исполнились, и сестра вернулась. Уж очень она напоминала ту внешне. Вслух никогда не говорил. Разве можно уверенно описать человека через много лет, да еще виденного последний раз детскими глазами. На такое разве Жанель способна.

– Рыба, – наставительно заявил Рэдвик.

Вот этот был белобрыс и непонятно в кого пошел. Оба родителя темные блондины. И нос не такой, и сходства не просматривается, а глаза опять же у обоих синие. Не гуляла на сторону, без всяких сомнений. Уж Шарлотта, выбрав няньку для дочки, за ней долго внимательно наблюдала. Пока с Реем жила, мужиков не подпускала. Вот в последнее время явно принялась постреливать глазками в разные стороны. А что – дама теперь не бедная. Еще и приближенная к высоким креслам через детей. Имеет право подыскивать себе хорошую партию.

– Окунь. Огромный.

Он по возрасту младше, а говорит почему-то заметно лучше. Ну двухлетка не срок, а вот с недающимся девочке звуком «р» надо что-то делать. Или само пройдет?

– Давно мы рыбы не едали, – сказала торчащая рядом Крилина вполголоса. Она с самого начала застенчивой не была, а получив свободу после рождения ребенка, и вовсе стала высказывать свое мнение открыто. Блор не обрывал. Не все ж лезть выслушивать. – Особенно окуня.

Имелось в виду, что и вчера была уха, и сегодня ожидается нечто озерное. Повара старались, да никто их не предупреждал о посещении заранее. Тем более толпы народу. Блор давно уже не путешествовал в одиночку: положение обязывает. Приходилось использовать в основном здешние запасы. Нет, понятно, одной рыбой угощение не ограничивалось, но сказать «я добыл окуня» – достаточно странно.

– Угощение из тцарских рук – это огромное поощрение, – произнес Бривел.

Да он на полном серьезе, понял Блор. Не просто говорит – верит. Тут не просто желание возвыситься за моей спиной. Уважение к должности. Странно, почему раньше не заметил за ним. Редко вижу. Это хорошо или плохо? Надо обдумать.

– *Если хочешь, съешь рыбу*, – разрешил Возмездию.

– *Я всегда хочу*, – даже удивился тот, поднимаясь из кустов.

– А кто у нас поедет домой на папиной шее? – спросил Блор.

– Я! – радостно закричала Анжи. Уселась поудобнее, поднятая, и дернула отца за ухо. – Пшел.

– Кто ж так управляет, – не двигаясь, спросил он, – ты меня вправо посылаешь.

– Но! – закричала очень довольная девочка, пихая его ножками.

Блор на ходу подхватил Рэдвака под мышку, и тот тоже засмеялся. Детям много не надо. Слегка внимание и попрыгать на манер лошадки с ржанием. А вот взрослым вечно неймется. Мало им смотреть с неодобрением, еще и рвутся очередную пакость изложить.

– Чего молчишь? – спросил Блор на ходу, старательно подпрыгивая и ловя парнишку. Неизвестно, что из него выйдет, но второй Николас для его дочери – преданный и друг с детства – точно пригодится. Специально в одну компанию собрал. – Зря бы не приперся.

– Слова неприятно-грубые, – грустно пробурчал старый приятель.

– Быстей, конек, бежи! – вскричала Анжи.

– Ко мне обратились со странным предложением, – сказал наконец Бривел. – Причем сослались на знакомство с тобой.

– Кто?

– Грилина-маг.

– Купеческий дом Кайстар с дальнего востока? – переспросил Блор, уверенный в ответе. Забыть «разломанную» он бы не сумел при всем желании.

– Она самая.

– И чего хочет?

– О, список достаточно велик. Но для нас важнее закупки и привоз необходимого товара, возможность получить через нее ссуду в любом конце Империи и снабжение деловой информацией.

– В каком смысле деловой?

– Я так понимаю – любой, ей доступной. От цен на шкурки соболя в Карунасе до последних сплетен с его базаров. Или даже выше. Насколько глубоко связи распространяются, не в курсе. Пока что нас поставили в известность о введении в ближайшее время дополнительной пошлины в провинции Ранткур и двух соседних. А для гарантии спокойствия перебросят дополнительные воинские подразделения с юга. Вопрос якобы решен.

– Мне нужен серьезный аванс, – после паузы сказал Блор.

– Э?

– Все, что можно выяснить про герцога Чапара и действия императора по отношению к нему. Если нужно, готов оплатить информацию. Но она мне нужна в кратчайшие сроки и подробная.

– Приехали, – недовольно сказала Анжи, когда Блор снял ее с себя и поставил на ноги.

– Наш домик.

Во время войны армия сожгла и вытоптала всю округу. В качестве показательного примера Блор взял для своей семьи здешний участок. Не только с крепостными хапать. Все в меру. Поднимать хозяйство тоже потребно. Надо пример показывать окружающим.

Если закрыть глаза на пустоту, оставшуюся после истребления горичан, – очень даже приличное место. Относительно хорошая почва, озеро с рыбой, река в качестве торгового пути. Огромный неправильный четырехугольник земли. Где-то в центре Империи дающий претендовать если не на титул лорда, так звание магната. Территория находилась не так далеко от столицы его тцарства. В качестве загородной резиденции – самое то.

Блор так и оставил свою экономку заведовать личным хозяйством, исключив из него доходы от шахт и городов, а также налоги с не принадлежащих ему хозяйств и земель. Нельзя государственное смешивать со своим по многим причинам.

По его приказу финансовые службы тцарства разделили на три части. Отдельно поступление налогов с подвластных территорий и распределение государственных расходов – и независимая служба, обеспечивающая нужды его личные и родственников. Официально даже земли их усадеб продолжали принадлежать общему клану и ему, как главе рода. А на управление посадил бессменную и проверенную во всех отношениях экономку.

По-любому забот хватало, и требовались умелые люди. Как непросто пахать, так и управлять. Первый встречный не подойдет. Или завалит хозяйство из лучших побуждений, или разворует из худших. Под это дело Шарлотта переманила парочку выучеников Тимоти из Кнауа, на почве чего некоторое время летали недовольные письма.

Как бы то ни было, дворец она отгрохала достойнейший, пусть и деревянный. Благодаря искусно выполненным резным украшениям и сквозной ажурной резьбе на фасаде и внутри – смотрелся он игрушечным. При том размер имел немалый. Ну а помимо самой усадьбы имелись обширные поля, скотные и птичьи дворы, пасеки, винокурни, мельницы, пивоварни, маслобойни.

– А сказку аскажешь? – потребовала девочка.

– И Рэдвак хочет?

– Да! – страстно сказал мальчик. – Про героев и подвиги.

– Вечером, перед сном.

– Надо идти, – подключилась и Крилина. Когда вмешаться и убрать мешающих детей, она знала прекрасно.

– А сейчас у меня важная встреча, – глядя на стоящих у дверей, без особой охоты сказал Блор.

Он как раз не прочь был с ними повозиться, а здесь очередные государственные дела. К сожалению, успех измеряется не достигнутым положением, а препятствиями, преодоленными с трудом. Уж для него барьеров и ям боги предусмотрели в немалом количестве.

– Как ты можешь ей доверять своего ребенка? – спросил Бривел, когда нянька с детьми удалилась. – Она горичанка.

– Я же не спрашиваю, зачем тебе сдалась дочь Велье!

– Это другое дело!

– Согласен. Даже боги не могут встать между мужчиной и его женщиной, однако семейные связи вещь важнейшая, а я пока еще глава рода, не забыл?

Про себя он подумал, что не такая уж плохая с точки зрения вранья в общество связь. Федераты за иноземца, пусть и фем Грая, своих дочерей так легко не отдадут. Дети уже не

войдут в комплект и войско. Реальное падение статуса, несмотря на богатство жениха. А так все вполне прилично и удобно. Маг Велье очень влиятелен и полезен. Можно и забыть про былое, если, конечно, Морин не примется регулярно наставлять рога младшему брату. Хотя вряд ли. Бривел ее упорно возит с собой, не оставляя одну, и с самого начала был в курсе некоторых тонкостей.

– Пусть в Крилине уверен, конце концов не она одна возле тебя трется. В душу каждому не заглянешь.

– Каждого можно толкать вниз и вверх, – хмуро ответил Блор, размышляя совсем о другом. – Слабого проще всего скинуть под ноги, затоптать. А вот дать ему почувствовать свою важность и превратить в полезного – много труднее. Для начала надо просто забыть о происхождении. Какая мне разница, кто родители Чипинга, Одрика, твои или ее. Человека судят по поступкам.

– А...

– А вот тогда недолго и на кол отправить, – сказал равнодушно Блор, и Бривел поверил. С него станется.

Старый друг заметно изменился и стал жестче. Ему это бросается в глаза, в отличие от остальных. Чем реже встречаешься, тем заметнее. Понятно, власть меняет. Совсем иначе стал смотреть на кровь, перестал терзаться из-за убитых и неоднократно заводил речи о государственной важности вопреки справедливости.

– Но этого не случится. Так, – произнес Блор совсем другим тоном, решив окончательно, – правильно сделал, что приехал лично. Такие вещи опасно доверять кому бы то ни было, включая голубей. Тут и тайнопись не всегда поможет. Есть умельцы. Если в Ранткур придут войска и новый имперский наместник, а нет смысла обманывать в таких вещах, неминуемо начнутся сложности. Одно дело торговля втихую, иное – идти против законов. Наверняка поставят на реках заставы. Их можно купить или вырезать, но это очередное и нам не нужное обострение, с тратами денег и людей. Так что предложение крайне своевременное и удачное.

– Давать привилегии на торговлю тоже нельзя. В провинции появится масса недовольных.

– Зачем же предоставлять льготы? Не собираюсь давать гарантий безопасности товарам или обещать не арестовывать имущество в случае нарушения соглашения. Будем проще. Ты вступишь партнером в их торговый дом с доступом ко всей информации. Особенно к их расходно-приходным книгам. Они – соответственно в твои конторы у федератов и здесь.

– Я?

– А другого доверенного купца у меня нет. Обдурят – с тебя спрошу. Нет, правда, хочешь уйти на другую роль?

Бривел хрипло рассмеялся.

– Думаешь, ко мне не подкатывались с предложениями? С большим опытом и серьезными деньгами. Я не про Кнаут. У каждого барона и любого федерата есть знакомый или друг с во-о-от такими связями, – Блор показал руками. – Трудись. Существует всего два способа сделать нечто: самостоятельно или нанять профессионала.

– Есть еще условия? – не желая выслушивать и так известное, потребовал Бривел.

Про Тадера ему объяснять не требовалось. Прилюдно раскланиваясь, они постоянно конкурировали, и не всегда методы борьбы были красивы. Купец имеет в покровителях Обманщика и Лжеца, но ростовщик вообще совести в торговых делах не имел. Получив возможность Тадер влез обеими ногами в тцарство, и Блор вопреки всем просьбам этой наглости не замечал. Политические соображения, понимаешь. Поддержка в военном смысле. Будто он в ней нуждается. Просто делает вид, что не понимает. Налоги Тадер платит? Какие претензии. А очень большие: не раз уводил из-под носа лакомый кусок.

– Никакого посреднического процента. Как ты его не имеешь от меня, – это было специально подчеркнуто. Если умудряется брать с другой стороны себе в карман, не интересует, – так не получают и они. Достаточно самой прибыли от сделки.

– Это будет сложно, – с запинкой признал Бривел.

– А ты постарайся, – хлопнув его по плечу, улыбнулся Блор. – У нас на Каменном поясе много товаров имеется. Без прибыли не останутся.

Пател сын Бретстада, рудный мастер, еще один отнюдь не имперец, а горичанин, стоял с видом человека, знающего себе цену. На доклад примчался лично, а не одного из подсунутых учеников прислал. Значит, откопал нечто стоящее. Это хорошо. Хоть одно приятное известие впереди ожидает.

Не зря рудознатец второй год из походов не вылазит, практически показывая специально приставленным людям важную науку. Сплошь молодые ребята, отобранные Денесом по подсказке: сироты, из рабов или крепостных. Чтобы знали, кому обязаны и кого благодарить. Специальность рудного мастера всем нужна, и без Блора их бы на порог не пустили.

Нельзя полагаться на парочку умельцев. Никто не гарантирует им долгой жизни и честности. Вот и будет лишний догляд, а попутно и расширение возможностей. А кто не сумеет перенять урок и запомнить, как отличить пустую породу, по каким приметам искать медь, железо и прочие полезные ископаемые, тот пойдет землю в поле копать да мешки таскать. Для некоторых и это потолок, но отбирать в ученики старались смысленных и стремящихся подняться. А то ведь иному ничего и не надо, помимо краюхи хлеба да кружки с пивом.

Все свои знания обязан передать про минералы, металлы, их свойства и как лежат в земле. Дело это непростое, и немного их – подобных профессионалов. А имеющиеся не любят связывать себя долгим сроком службы. Удачное приобретение вышло по любым меркам: запрячь в работу за одно обещание свободы. Все, что сверх того, – уже милость великая. А за пользу принесенную и награда последует. Вот и старается, вынужденно приняв, что сына Блор отобрал и отправил на земли трех племен – проверять пометки на карте.

Парень тоже доказывает свою полезность. Ну, скажем так, стареется. Ничего особенного пока не обнаружил. Немного свинца да уголь. Разрабатывать смысла нет. Не самая большая редкость и мало пользы. Хорошего железа и то не раскопал. Странно было бы, случись иначе: места давно исхоженные. Так и не ясно, что за значки попадались на том рисунке. Уж очень разброс поисков большой. В районе крестика несколько лиг во все стороны. Не руда – это точно. За два года хоть чего-нибудь обнаружили бы. Ну не всегда можно получить желаемое.

– Я нашел изумруды, – на пределе слышимости прошептал мастер.

Это была замечательная новость. Впервые за день Блора всерьез порадовали. Камни замечательно шли на юге и приносили немалый доход. Почти пуд самых разных размеров он получил, найдя казну тцаря. Плохо было, что копи, где их добывали, выхолостились достаточно давно. Да и работали они всего лет десять, пока окончательно не иссякли.

То есть наверняка до сих пор можно найти мелочь, а если долго копать и нечто покрупнее, но обычно расходы себя не оправдывали. Проще было позволить за десяток «орлов» в течение года копаться в земле любому мечтающему разбогатеть, независимо от чина и положения.

Это уж его собственная идея, прежние тцари до такого не додумались. И людям хорошо, и ему неплохо. Достаточно одного присматривающего, а то держать целый отряд...

Блор пошел еще дальше, провозгласив свободу поиска рудных залежей или другого полезного камня, причем за находку полагалась весомая премия, а раб или крепостной получал свободу. Пользы пока оказалось не особо много. Искать тоже надо уметь, одной лозой не обойдешься. Не зря профессия эта прибыльна и почетна.

– Образцы? – спрашивать, не ошибся ли, позвучит издевательством.

Именно Пател определил притащенные очередным старателем камни ничего общего не имеющими с подлинными изумрудами. Самое занятное, хотя об этом знали очень немногие,

что Бривел умудрился окольными путями под видом не то краденого, не то контрабанды перепродать столь похожий и притом не драгоценный камень за приличную сумму. Если и обнаружится со временем обман, концов никаких. Некрасиво, зато полезно для государства. Даже медный «изумруд» не пропал без пользы.

– С собой, господин! Великолепного цвета и высокого достоинства.

– Отдохни пока, после ужина обсудим подробности.

– Э? – изумился мастер.

– Я сказал – позже! – отрезал Блор. – И про свои обещания помню.

Если все подтвердится, Пател получит поместье. Из своих земель Блор выделит, чтоб претензий не возникало. Да, он не фем и не воин. Не всякий рождается героем. Многие мечтают о славе и подвигах, однако имеют страх в душе. Любой, защищая свою семью и жизнь, возьмется за оружие. Немногие попытаются победить без крови. А мастер выиграл. Жизни, достоинство и приличную обеспеченную жизнь для всех.

Плохой хозяин посмотрел бы, как топчется с ноги на ноги и смотрит жадными глазами, да и подходить бы не стал. Послал бы за учеником и все у него подробно вызнал. Тому десяток империалов, а этому шиш. Многие бы так и сделали. А мне нельзя. Не потому что щедрый. С кем я хорош, тот и ко мне отнесется положительно. А без причины обманывать – какое тут почтение. Мне не нужны всеобщая любовь и обожание – достаточно уважения. А для этого полезные наглядные примеры.

Одрик подождет, решил, скользнув взглядом по остальным присутствующим. Нет срочности. Он по-прежнему считает единственно верной жизнь воина в бою, а остальное – передыхание. Отдавать пост командира личного полка не согласен даже за землю. Посадил управляющего в усадьбе и носа в свою деревню не кажет. Была бы срочность – заявился на берег. Своей привилегии обращаться напрямую и без доклада не упустит.

Хайме вынюхивает нечто ему одно понятное и с просьбами обращаться не стремится. Уже легче. Ледек и Джаха заехали попутно, им тоже ничего не горит. Вот Камай как раз рвется в бой. На соричан он давно имеет планы, мечтая воплотить свои детские идеи о справедливости. Что-то там отняли в незапамятные времена у его народа. Не вовремя принялись возмущаться, давая ему хороший предлог. Пора уже образумиться, а то именно поэтому и не пойдет наводить порядок. И сейчас проигнорирую. Франк все сделает лучше, без излишней жесткости, и уж точно не лишит меня налогоплательщиков.

– Пойдем в кабинет, – сказал Шарлотте, отменяя остальных присутствующих.

Глава 2. Отношения с близкими

– Зачем ты притащила сюда это? – откровенно поморщился Блор, обнаружив висящую на стене картину.

Смотреть ежедневно на поле с неподвижными телами, за которые дерутся падальщики в свете восходящей луны, была не самая удачная идея.

– А что не так? – удивилась Шарлота. – Все честно показано. Неужели тебе больше нравятся те изображения во дворце? Это хоть нормальный вид имеет. А там тцари огромные, а людишки точно дохлые, да маленькие, не выше колена.

– Их уже нет, – пробурчал Блор. – Жанель так старательно обдирала, под собственные фрески...

– Но признай – это искусство!

– Ненормальное, как и она сама. Изображение должно быть красивым.

– Правдивым! Вещь подобного рода должна задевать чувства. И не так важно, уродлива она или прекрасна. Если ты не прошел мимо равнодушным, значит, мастер выполнил задачу – привлек зрителя.

– Вот нарисует тебя – поставлю прямо у входа, пусть смотрят. И не так важно, что там на лице проступит – хитрость, жадность или коварство.

– На, – бухая с сердцем на стол толстую пачку документов, провозгласила женщина, – все мои дела на службе твоей, господин.

А похоже, обиделась на намек, понял Блор. Ну что есть, то есть. Скрыгой не назовешь, но ведь считает тщательно и свой интерес тщательно оберегает. Но ведь нормально за будущее и дочку беспокоиться. Это я, пожалуй, перегнул. Управление его поместьями требовало не одной четкости, не менее важна и жесткость с отчетностью. Достаточно часто участки расположены в дальних друг от друга местах, причем это было сделано в свое время сознательно, вклинивая их между племенами и даже собственными соратниками.

В данном поместье, как и практически в любом достаточно крупном, выполнялось множество работ помимо сельскохозяйственных. Помол муки, выпекание хлеба, варка пива, ловля рыбы, выращивание птицы, плотничьи, столярные работы, ткачество, прядение, изготовление веревок и канатов, седел и сбруи. Женщины главным образом пряли и ткали лен и шерсть, а также изготавливали и вышивали одежду и изделия из тканей.

Обычно в имении, каким бы маленьким оно ни было, были свои печники, пекари, мясники, пивовары, ткачи, сукновалы и красильщики, и в первую очередь необходимые на селе кузнецы, а также сапожники и швеи. Десятки и сотни человек скорее ремесленников, чем крестьян. А кроме того – овцы, свиньи, коровы и лошади, принадлежащие хозяину. Сотни голов. За ними тоже необходимо следить и ухаживать.

Все крупные траты и планы утверждались экономкой, причем случалось, ее прямо обвиняли в излишней жадности. Блор редко вмешивался в ее распоряжения и уж точно никогда без предварительного разговора. Всегда нужно выслушивать обе стороны и рассматривать их резоны, а не руководствоваться порывом и гневом. Это в него хорошо вдолбила жизнь. Не совершай ничего безвозвратного сразу. Отложи, взяв время на раздумье и обсуждение.

– Ага, – сказал он благодушно, – прямо сейчас начну вникать в каждую циферку и спрашивать: «А это что? А не переплатила ли?» И станешь мне горячо доказывать про поднявшиеся цены в связи с плохим урожаем, конъюнктурой, и еще десяток причин. А я примусь с умным видом кивать, делая вид, что в курсе повадок этого зверя – конъюнктуры – и даже знаю, чем он питается. Ты мне итоги покажи – достаточно.

– Ну нельзя же так относиться к важнейшей составляющей власти, – растерянно сказала Шарлотта.

Обычно он все ж себя так не вел и отчет выслушивал без раздражения. Не то чтобы действительно во всем разбирался, но некоторое представление со временем о хозяйстве получил. Личное имущество его не так уж и велико, как кажется. С другой стороны, он фактически мог контролировать все добро своих родственников, являясь их старшим, причем еще и по государственной линии. Ну вот здесь, в усадьбе, имелось 78 голов крупного рогатого скота на выпасе, табун из 110 коней и 15 верховых или тягловых лошадей, 238 овец, 94 барана и 52 козы.

Может, кому и кажется много, а раньше, до его появления, предыдущий владелец имел 600 коров и бычков, пасущихся на лугах, 100 быков, 800 коней в табунах, 80 лошадей под седло, 12 000 овец. За время осады Града почти все стрескали и сожгли. Ни одного уцелевшего дома в округе не обнаружилось. Но земля хорошая, и на месте старых пепелищ появилось новое хозяйство.

– Человек истинно фемского происхождения должен всегда дорожить своей честью, быть стойким на войне, великодушным в победе, – подпустив в голос толику иронии, провозгласил. – А главное, – подчеркивая всем знакомую цитату, поднял палец Блор, – ему не полагается любить свое имущество больше всего на свете. В основном меч, коня, и на последнем месте дети. Кстати, ты не можешь объяснить, почему в списке приоритетов жена не значится? Нет? А я могу – женщину надобно приводить не к согласию, а к повиновению.

– Ну а начну набивать карманы при таком отношении? – переходя в наступление, потребовала экономка. – Мало таких случаев?

– При желании и саму Империю можно пустить по ветру, – признал Блор. – Что, судя по всему, и происходит сегодня. Вместо наведения порядка начинают сокращать важнейшие государственные расходы, вроде заботы об окраинах, а напротив – увеличивать налоги. Хуже всего – разворовывают любые поступления в казну настолько успешно, что сколько ни положишь, долг только увеличивается. Но это происходит, когда под рукой нет Денеса. На этот счет не волнуйся. Он не упустит представившейся возможности утопить тебя. С превеликим удовольствием доложит, и достаточно скоро. Это где-то за несколько дней пути в деревне без названия у него еще слухачей нет, а в родовом поместье нашей семьи как бы не все на соседа посматривают.

– И ты так просто...

– А то сама не знаешь, – отмахнулся. – Он тебя ненавидит. Дай только повод.

– И что тогда будет? – настороженно спросила Шарлотта.

– И это знаешь. Я не требовал многого с самого начала. Я претендовал на верность. Не стану я тебя после всего убивать. Не хочу потом Анжи объяснять причины. Просто вылетишь отсюда до самого Кнаута. Три деревни в собственности в качестве компенсации за прошлое – не самый худший вариант. Не богатство, но мужа сможешь выбрать сама.

Сев на трон, Блор всерьез задумался о взаимоотношениях с леди Кнаут. По соглашению часть переселенцев она отдала ему во владение, выделив землю. Быть тцарем и при этом вассалом смотрелось не очень красиво с любой точки зрения – политической, юридической, материальной. Про доходы от Якора он слышал, но так и не увидел. Хорошенько подумав, переписал все кнаутское добро, включая дом и доходы от своих родичей-ремесленников, оставшихся по прежнему местожительству, на Шарлотту.

«Если обольстит кто девицу необрученную и переспит с нею, пусть даст ей вено и возьмет ее себе в жены. А если уже имеется жена или другие причины (отец отказал), пусть заплатит столько серебра, сколько полагается на вено девицам», – гласил неписанный закон севера.

Замечательный вариант. Подходит по любым условиям. Другие причины – понятие растяжимое. Ей подарок за дочку, а ему свободные руки. Для Бривела это было первое поручение такого рода, хотя и далеко не последнее.

– Ты хороший человек, – сказала она, прикусывая губу в задумчивости.

– Я? Ну спасибо. Давненько мне такого не говорили.

– Кто постоянно ходит дорогой смерти – легко привыкает дарить ее другим по прихоти. Ты не переступил черты, превращаясь в жаждущего крови.

– Это намек на Денеса? Да, он недобр, безжалостен и любит мучить людей, если уж называть все своими именами. При этом не враль и не станет губить из личной выгоды. Одно другому не мешает. Ума не лишился, а способности к подсматриванию оказались куда как к месту. Он ищет врагов и удачно находит.

Дверь отворилась, и внутрь проскользнул Возмездие. Предупреждать о своем появлении рычанием или еще неким способом он не считал нужным. Повелитель и так его чувствовал вблизи, а на остальных он чхать хотел. Причем то, что они достаточно долго находились вдвоем без присмотра демона, – это признание Шарлотты в числе близких. Помимо детей, он мало кому позволял беседы с глазу на глаз. Практически всегда присутствовал, бесменно исполняя обязанности телохранителя. За все годы после взятия Града так и не последовало покушений, но он не человек и успокаиваться не собирался.

– Знаешь, – после паузы, возникшей от появления Возмездия, произнесла женщина, – один медвежонок постоянно менял логово. Запах был крайне неприятен. Встретив в лесу старого медведя, горько пожаловался на сложности. Тот выслушал и поразмыслив ответил: «Посмотри внимательно – от того, что ты постоянно меняешь логово, ничего не меняется. Запах, который тебе мешает, – от тебя самого».

– Здесь должна присутствовать мораль?

– Пока, – сказала Шарлотта с нажимом, – не выдумывает вин. Кто может уверенно предсказать, останется ли так в будущем, или он примется сводить счета? Наступят на ногу – а в ответ на дыбу!

– Пока, – подчеркнуто повторил Блор, – не слышал от него наветов. А ты не рвалась украсть мое золото или еще чего хуже. А я пока не подозреваю всех подряд в заговоре и не скармливаю своему зверю.

– *Есть кандидаты?*

– *Помолчи*, – беззлобно приказал Блор. В данном случае это определенно была шутка, и не стоит злиться.

– Любой поклев я проверю, – сказал вслух. – Его, твой или от Одрика – не суть важно. Ничего на слово не принимаю. Кстати, не стоит рассчитывать на ответную возможность упрекнуть. Одно другому абсолютно не мешает. Обоих на правех отправлю, но казнить без веской причины не стану. А вот если таковая обнаружится, просить и плакать будет поздно...

– Ну да, – слегка улыбнувшись, согласилась она. – «Всем подданным тцарства мово поминить надлежит: все прожекты зело исправны быть должны, дабы казну зряшно не разорять и Отечеству ущерба не чинить! А кто станет прожекты абы как ляпать – чина лишу и кнутом драть велю!»

– И скажи, я был не прав, диктуя такое? Я – фем, предпочитающий меч имуществу, а не полный идиот. Парочку выпороли, и сразу умников поубавилось. Исключительно по серьезному делу обращаются.

– Можно ведь наказывать и по-другому.

– А это мысль, – поднимаясь, сказал Блор. – За пререкания необходимо указать на место.

Двигался он со звериной пластичностью и скоростью. Шарлотта еще не успела сообразить, что происходит, как была схвачена и невольно вскрикнула, очутившись прямо на столе поверх крайне важных документов. Мужские руки знакомо прошли по телу и полезли к бедрам.

– А до кровати мы никак не доберемся? – задыхаясь, спросила женщина.

– Это уже выйдет поощрение, а не наказание. Унизить до предела – вот моя цель. Прямо на рабочем месте, нахально и бесстыдно.

– Тогда хоть выгони его!

– Визи? – он настолько удивился, что остановился.

– Не могу я, когда он смотрит. Все время кажется, ухмыляется.

– Выйди, – приказал Блор. – За дверь.

Демон нехотя поднялся, прервав довольную мысленную усмешку. Ей совсем не казалось, так оно и было. Что-то она чувствовала и достаточно точно. А Анжи вообще эмоции ловила от Возмездия не напрягаясь. Разговора девочка не слышала, но общий настрой брала без сомнений. В младенчестве демон ее даже успокаивал, специально транслируя довольство. По наследству досталось умение или случайно совпало – Блор не интересовался. Может в будущем пригодиться, а пока все равно бессмысленно.

– Ты видишь, какой я хороший? – потребовал у Шарлотты. – Прислушиваюсь к словам женщины.

– *А она выпила настой от беременности*, – доложил зверь уже от двери, поделившись соответствующим запахом. Отомстил за изгнание.

Не буду об этом спрашивать, решил Блор, приступая к действию. Несложно догадаться о причине и без того.

– Наша Империя, – сказал Хайме задумчиво, реагируя на очередной тост с не самым приличным упоминанием далеких чиновников, – очень странное образование.

Ужин сегодня как-то незаметно превратился в обсуждение ситуации. Будущее волновало всех. Если не считать Хайме, все свои, да и его особо не стеснялись. В политику не лез, занимаясь своими невразумительными шаманскими делами, но если нечто говорил – стоило обратить внимание.

Обычно в это время все уже отправлялись спать. Сегодня задержались, и не случайно. Блор хотел услышать подтверждение своему решению.

– Ваша, – достаточно внятно пробурчал вечно всем недовольный Джаха, – Империя.

– А вы тоже входите в нее, пусть и не явно, – спокойно ответил шаман. – Хорошо это или плохо, а общая структура государства рыхлая и мало напоминает державу с единым центром.

– И очень даже прекрасно, – скалясь прекрасными белыми зубами, сообщил Ледек. – Я не собираюсь умирать за чужое дело, по приказу, пришедшему из неведомой дали, по соображениям, мне не разъясненным.

– А помощь от нее федераты брать не прочь, – с насмешкой сказал Чипинг.

– Это дань, – ничуть не смущаясь, заявил Джаха. – Нам платят за спокойствие. Не мы! Нам!

Он как-то в подобные моменты забывал, что уже не числится в списках федератов, искренне продолжая считать себя одним из них.

– Ага, – согласился Чипинг, – и Блор тоже. Очень-очень боится нападения из Гезерди.

Упомянутый промолчал, глядя на блик от факела, отражающегося в чаше. В некотором смысле он только теперь начал понимать выражение «положение обязывает». Он совершенно не испытывал радости от замены глиняных мисок на серебряные. То есть они ему нравились внешне, все эти кубки, чашки, кувшины, блюда, тарелки и солонки с ложками, украшенные звериными мотивами, но вкус еды от этого совсем не изменился, а где-то в голове все еще сидело воспоминание о ночном горшке из серебра. У того предмета и этих чересчур много общего – страстное желание выставиться и продемонстрировать богатство. Он в этом совсем не нуждался. С другой стороны, если оно имеется, не использовать глупо. Красота должна не лежать в подвале, а быть видна людям.

Впрочем, сейчас его занимали другие мысли. Никто не может править достойно при отсутствии в сердце мечты об улучшении жизни для подвластных ему людей. Иначе в чем смысл власти? Создать нечто лучшее, чем застал, и подняться на ступеньку выше при пере рождении. Пусть не для себя, а для преемников своих. Проблема в том, что его опять несло по

течению. Обратить судьбу вспять даже богам не дано, но, похоже, они вновь приложили руку к происходящему. Впереди очередная война вместо нормальной жизни.

– Меня гораздо больше занимают гелонцы и их очередное переселение, – сказал вслух.

Для того и собирал своих полковников. Северные общины и племена последний год непрерывно слали своих представителей, слезно умоляя оказать помощь против агрессии. Но хуже оказались сами гелонцы, направившие посольство с требованием пропустить их на юг. Мало того, они желали, чтобы Блор посетил лагерь захватчиков и выслушал их. Пойти навстречу столь высокомерным действиям значило поставить себя в униженное положение. Естественно, он ответил, что если он нуждаются в его присутствии, могут и сами прислать своих руководителей для встречи.

Со стороны гелонцев уже самая натуральная наглость. Зато замечательный козырь для обсуждения с федератами. Теперь они уже не посмеют делать вид, что очередное вторжение их не касается. Хотя назвать происходящее можно разве переселением. Островитяне явились несколькими волнами, у них элементарно не хватало судов, потому что везли с собой семьи, скот и практически все имущество.

Усиление холодов затрудняло сельское хозяйство и скотоводство на островах, лишая привычных условий и приводя в упадок поселения. Второй раз за последнее столетие север сковало льдом на восемь месяцев. Повторения не пережил бы никто, и начался исход.

Если раньше набеги совершали дружины в несколько сотен человек максимально и некие шансы для живущих на берегах моря все же имелись, сейчас первая же высадка дала пятнадцать тысяч человек, и остановить ее не смогли. Пришельцы не собирались на этом успокаиваться. Их подпирали все новые многочисленные группы, которых даже лучшие земли вновь обретенных территорий прокормить не могли.

По слухам, там сидело уже полтораста тысяч, люди все пребывали, и дорога у них одна – юг. А это и было тцарство, Каменный пояс и дальше, до самого моря.

– А что тут можно сделать, – показательно разводя руками, произнес Одрик. – Убьем всех и избавимся от вечной угрозы.

Комната взорвалась довольными криками.

– Ты правильно решил! – провозглашали со всех сторон.

– Этих вырезать, остальные сами от холода сдохнут!

– Пока они еще размножатся!

– Веди нас!

Разговоры вкупе с многочисленными беженцами расплзались достаточно скоро. Так, к примеру, данное поместье заселялось такими. Люди соглашались на что угодно, потеряв все помимо жизни. Да и не один Блор брал к себе. Все прекрасно понимали, чем закончится проход огромной орды по едва оправившимся землям. Даже если сумеют удержаться и до прямых столкновений не дойдет, выжрут все в округе – и тогда голод коснется уже их самих.

– Федераты тоже придут, – как о само собой разумеющемся, провозгласил для общего сведения Блор.

Совсем не просто было подтолкнуть вместо стандартной защиты перевалов выделить достаточно весомый отряд. Навару с гелонцев будет немного, а шансов погибнуть куча. Пришлось прямо давить, угрожая перестать оказывать помощь золотом для покупки продовольствия. Ту самую, названную Джахой данью. В каком-то смысле так и было. Он покупал федератов. Их согласие на многое, вроде торговых связей с лежащими за Каменным поясом провинциями, закрывать глаза и их воинскую силу.

– По этому поводу не выпить грех! – провозгласил Чипинг, и вновь загремели тосты и речи. Расходиться полковники и новоиспеченные владетельные лорды не собирались.

– Так что ты хотел сказать про Империю? – спросил Блор у шамана негромко.

В данный момент до них никакого дела никому не было, можно поднять кубок, слегка отхлебнуть и продолжить беседу.

– Когда пришел Воин-Стив, первоначальное государство принялось бурно развиваться. Один за другим подчинялись ему соседние города, области, целые государства. Вместе с тем Карунас захватывал не только новые земли, не только новые доходы, но и... многочисленную прежнюю аристократию, переходящую под власть династии. Понятно, где она не сопротивлялась и не вырезалась. Элита Империи, тем не менее, не собиралась уступать место ни высоким родам из дальних мест, ни даже большую часть фемства из центра страны. Старые семейства не отдавали насиженного места за редким исключением, а число потомков росло.

– Ну не вполне так, – неожиданно вмешался Эрдем. – Кое-кто сумел достичь высокого положения. Кроме всего прочего, чтобы отрезать от дома опасных, выгоднее держать их при себе. Герцоги – это старая аристократия. Бывшие государи отдельных держав до объединения в единую Империю.

– Ну да, и их всегда воспринимали на манер чужаков, высоко поднявшихся не по заслугам. Недаром в столице расцвело местничество.

Эрдем заметно скривился. Будучи бароном из провинции, он замечательно представлял систему. И за Блором пошел не только из простого желания помахать мечом. Не менее важен был и потолок, пробить который у него не вышло бы никогда. Пыжиться и прыгать времени сколько угодно. Встать вровень с некоторыми, ничего в жизни не сумевшими совершить, не удастся.

Из небогатого и неродовитого фемства набирали полки и гарнизоны, им давали должности рядовых бойцов, десятников. И очень редко самых заслуженных из них возвышали до положения облеченного серьезной властью. Наместничество не для них. Ключевые военные и административные посты распределяются по происхождению. Самые высокие должности в первую очередь получают знатнейшие люди государства, а также те, чьи предки занимали высшие должности. Лишь предоставив возможность кормления аристократу, очередь доходит и до менее знатных. Действительные заслуги и деловые способности учитываются в данной системе минимально. Всегда сначала идут дети, внуки и правнуки с давних пор имеющих привилегии.

– Отсюда и проблемы, – меланхолично продолжил Хайме, не замечая окружающего веселья. Полковники уже все хорошо выпили и перестали сдерживаться. Вечерний пир мягко перетек во всеобщую попойку. – Между разными группами, входящими в руководящий слой, – старая аристократия, новая, герцоги с приближенными, поднявшиеся, – он усмехнулся, – пару столетий назад «второстепенная» ветвь или вообще служивые – абсолютно все жадно и недобро следят друг за другом. Не слишком ли много забрали себе соперники власти, возможностей, льгот? Не слишком ли высоко они забрались?

– Но это же всегда, – удивился Блор. – Даже в семье соперничают за влияние и место.

– Вот! В этом все и дело! Умеешь навести порядок в семье и быть справедливым – сможешь управлять и государством. Ведь что оно есть, как не огромная семья? И надо быть справедливым. Один закон для всех! Лучший получает продвижение! Сумевший отличиться – награду!

А, понял Блор, это вариации все той же песни. Не хватает еще исполнения про выборность. Один человек – один голос. Хуже взяточничества, наверное, и на юге нет. Каждый выборный норовит набить карманы, пока на должности. Нет, слова сии правильны и на начальном этапе использовались неоднократно. Не зря выслушивал шамана. Бывшим зависимым крепостным али рабам – как маслом по сердцу.

Только полного равенства никогда не будет. Пока один воюет, а другой пашет, разница в положении не исчезнет. А закон – да. Надо принимать положения, не позволяющие пристрастного исполнения. Лучше подчиняться единому для всех правилу, чем зависеть от чьего-то

своеволия. Легче сказать, чем сделать. Второй год юристы, собранные специально, пытаются создать свод правил.

– Красиво говорит, – прошептал Эрдем сквозь зубы. – Кто привык ставить честь рода превыше всего остального, не скоро поймет, почему он не имеет права отвечать ударом на удар.

– Власть всегда стоит на крови, – так же тихо ответил Одрик. – Не те правят, так эти.

– Мы, – и они понимающе улыбнулись друг другу.

Соперничество никуда не исчезло, зато оценить противника вполне способны. Можно ведь и неприятного соседа уважать, коли показал себя не трусом и не глупцом.

Единый закон – без силы вещь никчемная. А сила в руках у контролирующей армию. И местничество плохо для них в Империи, а не в тцарстве. Здесь как раз они и являются аристократией.

– Продолжайте, – поднимаясь, сказал Блор на обращенные к нему взгляды. – Я к детям зайду перед сном.

И ничуть не удивился еле слышному за спиной: «Он их еще за собой в поход потащит».

Хорошо это или плохо, но при любой возможности он проводил время с Анжи и остальной компанией. Он так и не забыл недостатка родительской ласки и внимания. Насколько возможно, стремился отдать своим и чужим. Кто его знает, как повернется в будущем.

Это только здесь их двое. На самом деле Граи энергично размножались. Для рода это замечательно, хотя куда пристроить четырех детей от разных девок, включая собственного незаконного сына, от соричанки, он положительно не представлял. Пришлось женить Кери и Ишима, чтобы не гуляли, пользуясь именем. Заодно и связи с племенами укрепил.

А вот Джил уперся. Подавай ему Саманту, дочь Салента, и все. Не надо было отпускать его к федератам подписывать договора. Бывшая девчонка, спасенная в Унице от собственных вояк, подросла и расцвела, несвоевременно попавшись Джилу на пути. Объяснения, что есть партия и получше, он пропустил мимо ушей.

Иногда парень становился абсолютно невыносим и жутко упрям. И по шее до сих пор не получил исключительно по одной причине – он напоминал Блору его самого. Четко знал, чего хочет, был недурственным фехтовальщиком, но еще и прилично соображал, не заикливаясь на героических подвигах. На самом деле лучший из его братьев во всех отношениях. Рей не в счет, как раз норовит податься в полководцы, а Денес излишне подозрителен. Хорош на своем месте, и не более.

– А вам чего? – спросил Блор устало, обнаружив Одрика с бароном Сильвеном, в трогательном согласии следовавших за ним.

– Позволительно ли узнать – взаправду ли поступило столь оригинальное предложение, или чушь несут слуги? – очень вежливо спросил Эрдем.

И ведь не сбился на такой длинной фразе, удивился Блор.

– А это точно ваше дело? – надменно спросил вслух.

– Женьба на сестре герцога Чапара? – удивился Одрик. – Подданным очень не все равно. Это путь к признанию или уничтожению.

Именно так, подумал Блор. Император явно надеялся избавиться при моей помощи от герцога Нгоби, последнего в роду по мужской линии, а вышел облом. Недаром на меня взелся, вопреки всем и всяческим попыткам наладить отношения, даже заплатив серьезную сумму.

И попытки давления на самого Чапара явно укладываются в общий метод. Финансовые проверки, конфискации земель, лишение союзников, отданных под суд. Честное слово, проще уж просто прикончить. Видимо, не выходит. В Карунас не едет, сказавшись больным, даже про честь временно забыл. Но данное предложение выходит за все границы. Я много ниже по уровню, пусть фактически не беднее и сильнее. Отдать сестру за меня – дорогого стоит. После этого мы уходим в глухую оппозицию к Империи вообще. Мне терять нечего, а ему? Видать, вконец прижал его император: на неравный брак согласен.

Вопрос в том, выгодно ли мне это родство. Тысячи отдали бы за него что угодно. Минимальный шанс лучше полного отсутствия. А я? В любом случае пришла пора жениться, и лучшей партии все равно, сколько ни ищи, не обнаружить. Худший из покойников – это холостяк, не оставивший детей. Земли разорвут, соратники передерутся. Пришла пора задуматься о будущем.

– Позволю заметить, – включился бывший барон велеречиво, – имею серьезный опыт в подобных делах. Детей женил, – сказал почти нормальным тоном.

И стремился при этом не прогадать, закончил мысленно Блор фразу. Почему бы и не доверить ответственное дело. Пусть еще один человек внимательно изучит условия. Интересно, выявит ли еще какие ловушки, помимо найденных мной и Шарлоттой? Конечно, юрист был бы лучше, но мне на данный момент не нужны дополнительные разговоры. И так слух пошел, даром что не делился подробностями. Кто, интересно, проговорился? Не я и не моя экономка. Кто-то из посольства, скорее всего.

– Если хоть одно слово раньше времени просочится... – сказал с нажимом. – Я пока не уверен в ответе и подводить герцога в любом случае не собираюсь.

– Я прослежу за ним, – показав на стоящего рядом Эрдема, обрадованно пообещал Одрик, получив в ответ ушат отборной ругани.

– У меня нет здоровья сейчас выслушивать пререкания и дурацкие шутки. Ступайте к Шарлотте, скажите – я разрешил ознакомиться с предложением.

Это было доверие, и они об этом знали. Вылезет наружу – и последствия будут непредсказуемы. Пройдет удачно – последует награда. Провалится – обратное столь же легко состоится. Они это знали и недаром двинули вместе. Уступить не хотел ни один. В этот миг они обошли на повороте гонку выскочив вперед остальных близких. За это стоило и потрудиться.

– Благодарю, господин, – одновременно произнесли оба и недовольно переглянулись.

Людам ртов не зашьешь, и слухи поползти должны были неминуемо. Другое дело конкретные условия. Изабеллу, второго ребенка в семье, из политических соображений старались выдать замуж уже не в первый раз. Хорошо если не в пятый. Каждый раз решительно вмешивался столичный двор, принимаясь с дружеской улыбкой вставлять палки в колеса. Дело достаточно быстро прекращалось за отказом жениха. Императору явно не требовался усилившийся за счет родственных связей Чапар.

Сейчас это идет в плюс. Либо даст Блору отступного, не в денежном, понятно, виде, а признав за ним права и фактически подняв на несколько ступенек, либо вынужденно закроет глаза на происходящее. Руки у столицы коротки дотянуться до Града. В любом другом случае придется поддержать силой герцога. Поэтому надо срочно решать вопрос с гелонцами. Дать войска Чапару придется – это прямо оговаривается в брачном договоре.

На этом фоне как-то не особо важен размер приданого, невозможность мужу пользоваться землями жены и сохранение их за нею в случае развода. Ссуда (фактически подарок) шурина в шестьдесят тысяч больших империалов тоже оговаривалась. Всего две тысячи приданого, пять дохода с ее владений без права удержать себе в карман – ив двенадцать раз больше отдать сразу. Неплохой поворот. Для герцогини. А вот лично ему якобы в подарок большой кусок земли, дающий право на звание лорда. Спасибо, не надо. Идти в вассалы к собственному шурина и получать из его рук пожалования он не собирался.

Гораздо интереснее вытекающее из брачного договора и сопутствующих переговоров, которые непременно надо оформить официальными грамотами, объединение тцарства и герцогства под властью их с Изабеллой потомства. Естественно, это предполагает и совместные действия в ближайшем будущем, но, получив серьезную опору с той стороны Каменного пояса, он может направить усилия на юг практически на законных основаниях.

Эта игра не менее азартна любой другой. Ставки огромны, и надо внимательно подсчитывать не одни выложенные на стол, а еще и спрятанные в руках и даже в рукаве. Недаром он

попросил от купчихи в качестве аванса информацию о происходящем вне его возможностей. Знать заранее о шагах императора – стоит многого.

Можно за это и пустить ее торговать на свои земли. Конечно, он достаточно много потеряет на пошлинах, однако это произойдет потом. А прямо сегодня он нуждается в умелых слухачах и отработанной системе шпионажа в Карунасе. Любой купец обязан держать уши открытыми в надежде поймать рыбу в мутной воде. Их не надо этому учить.

В принципе Блор мог себе позволить подобного рода и размера презент для лучших взаимоотношений. Нельзя не догадываться, зачем он требовался герцогу: на плату наемникам и фемам на случай большой драки. А это более чем вероятно, если император не уступит лично Блору и не признает его тцарства.

В данном отношении он был спокоен. Помимо добавления соответствующей статьи в соглашение, достаточно долго общался с братом Изабеллы. В личном плане тот не особо привередлив. Воспитание или характер – это все равно. Дворца на манер столичного строить не намерен. На девиц тоже не выбросит. Не то чтобы совсем не гулял, но в другую сторону.

Дружба среди фемов встречается достаточно часто, взять хоть Одрика с Франком, но заподозрить их в плотских отношениях никому в голову не приходило. А герцог резвился вовсю, ничуть не скрываясь. Это было хорошо – детей от него не ожидалось, и ребенок от Изабеллы неминуемо станет наследником. Можно даже прямо оговорить это в соглашении, только обдумать, как правильнее – первый сын или второй. Его землям тоже понадобится властитель.

Вот и выходит – радоваться надо забавам герцога. Это прекрасно. И в то же время плохо. Возле него постоянно болтались фавориты. Счастье еще, что на них особо не тратился. Скорее всего, по простой причине – долго не задерживались. Нгоби Чапар любвеобилен и при том дураком не являлся. Власти таким людям особой не давал.

Но это сейчас. А предсказать будущее и боги не всегда могут. Как-то надо предусмотреть охрану интересов будущих детей. Прямо прописать механизм наследования, перекрыв возможность усыновления. Если уж умудрится сделать какой девице, ничего не поделаешь, но это в очередном пункте зафиксировать обязательно. Даже если за это придется заплатить вдвойне. Тцарь может себе позволить, но исключительно на равных. Он не ниже!

Глава 3. Будущее создаем сегодня

– Иногда у меня ощущение, что это не мой дворец, а проходной двор, – хмуро сказал Блор при виде стоящего у входа. – Вернее, не так. Все кому не лень считают совершенно нормальным приехать без приглашения, завалиться внутрь с грязными ногами и жить за мой счет.

Дочь Смерти продолжала смотреть в некую лишь ей видимую даль, в упор не замечая его. Зато русский красавец дружелюбно улыбнулся.

– Съел что-то кислое, государь? Попей водички.

Возмездие негромко рыкнул.

– Но-но, – погрозил ему Торкель пальцем, – я же не ругаюсь, а проявляю искреннюю заботу.

Телохранитель высшей Жрицы откровенно забавлялся. Проявлять гнев и ставить на место в высшей степени бессмысленно. Сам это крыло выделил под гостей. Другое дело – не рассчитывал на подобное количество и уж точно на приезжающих без приглашения Дочерей Смерти. Когда они у тебя на службе, и отношение иное. Только сейчас он крайне не расположен осуществлять поклоны в их сторону.

Религиозная терпимость местного населения в достаточной степени сомнительна. С одной стороны, у каждого племени свой покровитель, с другой – на приходящих с севера смотрят с большим подозрением. На их богов тоже. Ломать сложившиеся устои и отодвигать повсеместно существующий в качестве основного культ Солнца Блор не собирался даже ради Воина.

Хватало и без того проблем, чтобы создавать себе новые, реформируя табель о рангах среди высших существ. Есть вещи, которых он делать просто не осмеливался. Каждый поклоняется кому хочет, и становиться явно на определенную сторону он не собирался.

Блор, не вступая в перепалку, двинулся прямо на него, и Торкель, по-прежнему с ехидной улыбкой, не особо торопясь убрался с дороги. Кто бы вышел победителем в бою, для Блора тайны не составляло. Хотя проверять это на практике он не собирался. Сам старший телохранитель без причины не нападет, а угрожать жрице он не собирался. Не возмущаться же на самом деле ее приездом без уведомления. Себе дороже. Слегка выплеснул раздражение, и не больше.

Нисколько не удивившись, обнаружив Жанель за работой, остановился и внимательно присмотрелся. Что у нее в голове находится, так и не уяснил, но началось все вполне ожидаемо. Заявилась в один прекрасный день и предъявила права на расписывание внутренних помещений дворца. Время шло, она все трудилась, и похоже, конца этому в ближайшее время не ожидалось. Площадь стен и потолка огромна, художница пока создала очень малую часть. Останавливаться она не собиралась, и Блор про себя называл это созданием Мира.

Именно так – с большой буквы. Наряду с мифологическими сюжетами присутствовали и реалистические картины. А уж всевозможных портретов – непредставимое количество. Ей ничего не стоило взять за образец реального человека и изобразить в виде бога, духа или давно умершей личности. Некоторые откровенно бесились с появления в сюжетах классического приношения в жертву собственного сына первым императором. Уж очень история и сам персонаж неоднозначны.

Зато Райан, обнаружив себя в виде Хозяина Стад, долго изучал фреску и заговорщицки согласился, что не самый худший вариант. В его нынешней работе главного управляющего тцарства присутствует очень много общего с аватарой бога. Тот не только скотом, но и урожаем занимался, создавая новые полезные сорта растений и плодов.

Блор об этом услышал в первый раз, с умным видом покивал и специально проверил – так и оказалось. Об этой стороне его деятельности мало кто знал, повсеместно обращались к

владельцу домашних животных, а он и растениями занимался. Почему почитается в основном пастухами – неизвестно. Люди иногда странно себя ведут, не замечая очевидных вещей.

Жанель умудрялась заглядывать в самую душу и не просто так вставляла в свои картины конкретные лица. Иногда долго бродила, разыскивая единственно верное, случалось, забрасывала сюжет, не обнаружив подходящего, но если уж писала – всегда в точку. Убийца и злодей из прошлых веков действительно таковым и оказался, стоило попросить Денеса присмотреться к человеку, послужившему моделью.

До верного помощника так и не дошло, почему Блор показал конкретно на определенного старосту в деревне, тем более что никогда того не видел. Денес всерьез проникся, уверившись еще больше в некоем божественном прикосновении к старшему брату и его уверенном попадании в цель.

На самом деле он или она, а Блор так и не смог уверенно определить бога, ни про одного таких вещей не говорили и легенд не рассказывали, коснулся отнюдь не его, а художницы. Попытки расспросить заводили в тупик. Жанель искренне не понимала, чего он добивается. Она так видела, а почему – объяснить не могла.

В конце концов плюнул, перестав задавать вопросы, и просто внимательно смотрел на очередную фреску. Хуже всего – давно ждал собственного появления. Раздражался, не понимая, чего ждать, и все же хотел увидеть. Интересно ведь, в каком виде это произойдет.

– Художник обязан знать мастерство во всех его видах, – наставительно говорила женщина, уверенно работая мастерком каменщика, перетирая нечто в лотке, – правильное нанесение штукатурки на стену позволяет быстро закончить. Если неправильно рассчитать сроки, краски на подсохшую лягут неправильно, и завтра придется все сбивать, потому что цвета отличаются. Сколько ни переписывай, разница всегда заметна. Идеально повторить краски, влажность и многое другое никому не удастся.

– И зачем это требуется знать знатному фему? – поинтересовался Блор, рассматривая эскизы. Он уже твердо знал – сначала идея, затем сюжет переносится на картон, увеличиваются до правильного размера детали и изготавливается макет фрески. Обычно подмастерья разбивают изображение на квадраты и копируют с изменением длины. То есть он видит пока общие наброски.

– Это мой сын! – гневно сказала Жанель.

– Правда? А я думал, мой младший брат, – удивился Блор. – Что-то такое помнится смутно. Юристы, отсутствие угрозы с его стороны для Кнаута и прочая белиберда. Или я перепутал, и это вовсе не Гейл, мой родственник и подопечный?

Мальчишка, без особой охоты ковыряющийся пестиком в ступке, моментально их забросил и уцепился за его штанину.

– Кататься, – потребовал он.

– Ты же видишь, я разговариваю.

– На нем, – пухлый пальчик показал на Возмездие.

– Догонишь – прокатишься.

– *Я вам не лошадь!* – возмутился демон, торопливо отступая перед целеустремленно направляющимся к нему ребенком.

– И за хвост подергай, – посоветовал Блор.

– *Пусть догонит сначала.*

Мальчик проявил заметную сноровку, пытаясь отрезать зверя от двери. В эти игры он уже играл и прекрасно знал порядок действий. Загнать в угол, с воплем коснуться – и тогда можно залезть сверху. Правда, в одиночку такое не выходило, обычно требовалась целая охотничья команда, иначе поймать крайне тяжело. Возмездие бегал много быстрее малышей и мелькал под самым носом, не позволяя приблизиться.

Зато гонять огромного зверя много интереснее, чем сидеть и выслушивать всякую ерунду. И падения на этом пути не столь уж важны, – вставая и отряхиваясь, опять потянулся вперед. Вряд ли ему приходилось выслушивать лекции от демона или еще кого считающего себя умным о наличии в мире всего двух типов существ – хищников и жертв, но без сомнений во вторую не попадет. Охотники жертвами не бывают.

– Ты издеваешься! – возмутилась Жанель.

– Нет, – рассеянно отказался Блор: кажется, дождался. Правда, не про мифическое прошлое и пока общие контуры вместо лица, но меч точно мой. Злюку не спутаешь. – Я вполне серьезен. Боюсь, и так излишне много позволяю вам проводить времени вместе. Чему полезному его научит мать?

– Еще скажи – такая, как я! – задохнувшись от негодования, вскричала Жанель.

– Нет, – пробурчал он, пропуская мимо ушей возмущение, – это неправильно. Ладно еще наличие стола, но почему мы все сидим с одной стороны? Никто не повернулся спиной к зрителю. Это... неестественно.

– Перспектива, – ответила она мгновенно.

– Ну, это неприлично, – почти жалобно сказал Блор, – это же, судя по рожам и обстановке, окончательное подписание соглашения о включении в войско трех племен на общих основаниях посадских. Не так это было! Не пили, празднуя, а ругались до последнего момента.

– И могли еще долго, не шуми под окнами толпа народу, тобой же через Тадера настроенная.

Она всплеснула руками, чуть не зацепив измазанным белым пестиком по носу.

– Удивительные претензии! Это кто же такой умный требовал для лучшей продажи приукрашивать действительность?

– А я еще и купить это обязан? – ужаснулся Блор почти всерьез.

Давно уже при написании фресок и картин Жанель пользовалась его деньгами. Точнее, он дал указание выдавать все необходимое без промедления за свой счет. Хочет скорлупу от орехов, известку или куриные яйца – вручить, не требуя подробного отчета. Попросит золота – тоже не жаться. Не вполне широким жестом. Ей поручалось учить подмастерье, не менее двух одновременно, но разрешалось выбирать себе учеников самостоятельно.

В каком-то смысле сделанное ею было не менее важно всего остального. Более того, оно давало своего рода бессмертие, на что постоянно и указывало очередному недовольному своим изображением. Этот довод многие понимали, особенно усвоив, что не они одни такие. Если его дворец не сожгут очередные захватчики, фрески останутся на столетия.

И художественная школа тоже. При всей ее не слишком могучей внешности и далеко не бесконечной силе Жанель обладала жуткой работоспособностью и успевала рисовать, попутно гоня полдюжины учеников. Что именно тцарь Блор предоставил ей, она прекрасно поняла. Будущую славу первой женщины-художника, переступившей омертвелые каноны.

В классической живописи пропорции человеческого тела сознательно нарушались. Фигуры тоньше, пальцы на руках и ногах удлинены, а тело практически целиком прячется под одеждой. Взгляд персонажа строгий и отрешенный, нередко направленный неизвестно куда. Даже позы стандартны.

На ее изображениях люди не смотрелись безучастными статистами. Они подобно богам проявляли чувства – гнев, зависть, страх, любовь, жадность, разочарование, унижение. Он не стояли, а жили. Когда она закончит, а произойдет это явно не скоро, дворец превратится в натуральное чудо света. Можно гордиться и забыть на время постоянно мешающих мальчишек со строительными материалами и вечные перестановки в помещениях.

– В любом застолье, – произнес Блор и так ясное, – существует строгая иерархия. Кто где сидит, и почетное место находится не здесь, – он показал, – а во главе стола. И абсолютно точно не мне там сидеть пристало в Гезерди. А вообще дальняя кромка стола больше передней.

– У тебя хороший взгляд. Точный. Правила прямой перспективы требуют, чтобы рисунок имел только одну точку зрения-внимания, совпадающую с точкой схода на горизонте изображенных на картине линий, перпендикулярных плоскости картины. И лучше всего, чтоб эта точка была в правом глазу главного героя...

– А? – озадачился Блор.

– Все равно поймаю! – раздался азартный крик, и мимо пронесся очень довольный Возмездие. Ему догонялки нравились не меньше ребенка. В такие моменты гораздо заметнее становилась его вечно щенячья сущность. Он так и не повзрослел, не давая себе труда задуматься дальше обычных действий, а будущего для демона просто не существовало. Есть нынешний миг, и не больше того.

– Рисунок получает большую глубину, – вздохнув, сказала она, проводив взглядом пронесшегося мимо мальчишку, не пытаясь его остановить: все равно бесполезно. – Обязательно и очень важно учитывать точку, с которой мы смотрим на происходящее, что мы видим с этой точки, под каким углом мы видим предметы на рисунке. Более близкие всегда кажутся крупнее удаленных, пусть на самом деле все наоборот.

– Ага, – согласился Блор, смутно догадываясь о некоем озвученном для него законе мастерства художника. На этот раз прозвучало много внятнее и разборчивее, чем линия горизонта в правом глазу. – И какая связь с безусловно выдуманной обстановкой собрания? При том, что уж кто-кто, а ты там побывала неоднократно и внутренность помещения занимаемой нами виллы изучила самым замечательным образом.

– Иногда именно жизнь и требует улучшить реальное событие. Легенда должна быть красивой.

– А я что всегда говорил?!

– Иногда, – тоном умудренной старухи подчеркнула она. – В особых случаях. Похоже, до тебя так и не дошел общий замысел моего труда.

– Только не говори о моем прославлении!

– Скорее – истории.

– Ты меня пугаешь. Эдак недолго и до откровенного вранья: с раннего детства на небе появились знаки, и двухголовый вепрь принялся вещать о великом будущем младенца Грая на чистом имперском диалекте со столичным аканьем.

– Очень жаль, – склонив голову набок и глядя на Блора взглядом совы, обнаружившей мышь, произнесла Жанель, – что упорно не хочешь поделиться происходящим до появления в Рантюре у Жаклин.

– Э?

– Я опросила кого смогла о подробностях прошлого, но...

– Кстати, насчет этого, – резко сказал Блор, прерывая ее, – я не стал лезть с вопросами и выполнил просьбу без всяких условий. – Он посмотрел в угол, где Возмездие наконец, подавшись, позволил себя ухватить за хвост и осторожно волок мальчишку за собой. – Почему он не пришел ко мне, а буквально прятался?

И ведь не догадался бы никогда, если бы не попала на глаза лежащая на столе у Жаклин «Книга удивительного народа». Не волновали Блора ее мужики, и не собирался он лезть в ее жизнь, но в тот момент всерьез поразился. Быть рядом и даже не попытаться встретиться. Может, реально не в себе? А может, и не человек вовсе.

– Мне, знаешь ли, обидно. Немногих я могу назвать своими друзьями. Фактически их нет. Даже с Жоае не могу позволить себе забыть о... – он запнулся.

– Разнице в положении.

– Да, – подумав, подтвердил Блор. – Дружить можно с равным. И с тем, кто от тебя ничего не добивается. Ни прямо, ни косвенно. В последнее время таких нет совсем, – он криво усмехнулся.

– К этому придется привыкнуть, – кивнула женщина. – Хорошо, у тебя есть Визи. Все-таки не один.

– А давай вернемся к моему вопросу?

– Разве я могу отвечать за Дока? – без особой охоты пробормотала Жанель.

– Я достаточно уважаю тебя и твой ум, чтобы выслушать соображения. Ну не могли вы, встречаясь, – он опять невольно перевел взгляд на мальчишку и удержал себя от усмешки, – при достаточно близких отношениях, вообще не говорить. Тем более обо мне.

– У тебя развивается мания величия.

Блор демонстративно пожал плечами и постучал пальцами по лежащим на столе рисункам. Он-то себя пока не записывал в легендарные герои, а вот она явно к этому шла. И сознательно. Раньше он подобных поползновений не наблюдал. А здесь пахло Доком, его влиянием. Понять бы еще зачем и с какой целью. Рано или поздно беседа должна была состояться. Он долго колебался и ждал, сам не зная чего. Прихода старого знакомого или ее слов. Не дождался. Значит, придется самому.

– Это его термин, – сказал негромко. – Я даже не понял, в первый раз услышав. В храмах лечат душу, а не мозги. Если вообще пытаются. Душевнобольных почти всегда, – он повел рукой по горлу, – чтобы еще один разломанный не вылупился. Хотя вслух говорят другое. Об общей пользе и лишнем рте. Проговорилась сразу.

– Сложно все же скрывать такие вещи, – принимаясь опять помешивать раствор, произнесла Жанель. Вряд ли с целью. Скорее, просто машинально заняла руки, не задумываясь зачем. – Множество глаз вокруг, и не суть важно, кому доносят: Шарлотте, Денесу или еще кому. Уж больно удивительное происходило.

– Вот только и дела мне тогда было, что проверять, с каким мужиком живет тетка леди Кнаута. Хвала всем богам, мне не родственница и сама сняла ответственность за свою безопасность, отправившись за Каменный пояс с армией.

– Неужели не интересовался? – со знакомой насмешкой спросила.

– Я был несколько занят военными действиями, – ответил Блор язвительно. – Ну когда живот стал заметен, не без этого – доложили. Но я не представлял, кто папаша.

– И кто? – невинно спросила женщина.

– Я не знаю, – после долгой паузы ответил он, – в тех горах его считали чуть ли не новым воплощением бога. Только дошло это до меня с огромным запозданием и задним числом. И вспоминая былое, я не могу весело рассмеяться и отбросить от себя подозрения, что доля истины в этом есть.

– Совсем не так важно, что сам человек думает о себе, много существенней – каким его видят находящиеся вокруг.

– В смысле?

– Пока ты не подозревал о неких странностях, – нормально общался и считал другом. С кем может находиться в дружественных отношениях воплощение высшей сущности?!

– Только не надо об этом, – выставя перед собой ладони, вскричал Блор. – Я был молод, глуп и наивен.

– Ты можешь считать себя по-прежнему парнем из глухой деревни, но окружающие наблюдают нечто гораздо более значительное.

– Удачливого завоевателя.

Она посмотрела, знакомо склонив голову и подняв бровь.

– А как назвать любовницу бога и его сына, – с иронией спросил Блор, – божонком?

– Да нормальный мальчишка, – с гордостью сказала Жанель, посмотрев на сына. – Крепкий, умный и без малейших странностей. Заметь – здесь кроме тебя никто ничего удивительного не заметил. Ну лекарь, ну с заскоком, на хромую старую бабу нацелился – и что? Я с деньгами, а он без. Все понятно без долгих объяснений.

Допустим, золота у нее не имелось, за исключением сущей мелочи. Жаклин высылала, однако не сказать, что сильно баловала тетку. На жительство более чем достаточно, а на ее художества – нет. Удовольствие откровенно много стоящее.

С самого начала в числе моих домочадцев числится, и все принимают это как должное. Тоже вот сразу наводит на мысли о юродстве. Не девочка малая и не глупая, а принимала, будто так принято. Да и ладно. Талант ей дан свыше, и от меня не убудет.

– Но ты нечто учуяла? Или он сам поделился? Ведь не удивляешься моим... высказываниям.

– Когда я была совсем девочкой, – сказала женщина после очень длинной паузы, Блор даже собрался ее потревожить и напомнить о себе, – мне предсказали очень странную вещь – если пойду за демоном через Каменный пояс, встречу со своей судьбой. Никакое предсказание не станет истинным, если не выполнить определенных условий.

Это уж точно, подумал Блор, вспоминая свои и как изменили жизнь его действия. Постой, постой, за демоном? Еще одна. Здесь о Возмездии многие шепчутся, но она, выходит, еще в Кнауте все знала.

– Я пошла, – поднимая голову и глядя ему в глаза, сказала Жанель с вызовом. – И если бы Жаклин уперлась и отказалась отпустить, отправилась бы без разрешения. Уж нашла бы возможность.

Очень может быть. Эта смогла бы. С нормальной есть шанс договориться – эта поступит как ей угодно. А я бы повел себя иначе, получив четкий намек? Наверное, нет. Тоже отправился бы искать судьбу.

– Потому что я хотела! – она почти прогремела. – Я мечтала, – голос упал, – сама не понимая о чем. Не жить тихо и бессмысленно до смерти через десяток лет. Я пошла бы снова, независимо от случившегося!

Блор промолчал: не ко времени перебивать. Просто отмахнулся, когда оба играющих обернулись на повышенные голоса.

– И когда появился Док, я так и поняла – вот она, моя судьба. Где еще я могла встретить столь странного типа? Замечательный знаток своего дела, не лезущий к владыкам и не расположенный к поискам подходящей невесты. Ну и говорить умел красиво, – она отчетливо порозовела. – А прошло время, схлынул начальный угар, опять заработали заново мозги – и сообразила: ребенок – счастье, и я за него буду вечно благодарна, но со мной не останется. А вот мои картины сохранятся не просто очень долго, стиль распространится еще и в учениках. Это судьба!

– Она не то, что нам кажется, – пробормотал Блор. – И не то, на что надеемся.

– Я не особо верила, что Док останется.

– Так зачем он приходил?

– Может, действительно хотел помочь чем-то, да тцарь не особо нуждается в советах – сам решает, драться или нет.

– У меня нет выбора. Или мы уничтожим гелонцев, или они уничтожат все построенное за эти годы.

– Док однажды сказал: «Блор способен совершить что угодно, потому что ему забыли сообщить о невозможности».

Ну да, подумал тот. Прямо отчеканить и отлить из бронзы табличку. В личном кабинете над головой повесить. Если бы я это делал сам. За меня станут умирать другие. Может, они вообще не собираются идти до конца и разбегутся при первой угрозе.

– Выбор есть всегда. Не обязательно нарываться на сражение – люди называют это благородием.

Она не понимает, подумал Блор. Все же женщина не воин. Я получил прекрасный предлог для вмешательства в происходящее. Более удачного и придумать нельзя, когда все дружно

просят моих действий. Именно расчет и здравый смысл толкают меня на очередную войну, а не горячая кровь. Племена до самого Студеного моря воют, прося прийти на помощь. Изгнав островитян, я получу все. Никто и возмутиться не посмеет, и все станут подчиняться. Конечно, после победы. Это важнейшее условие получения власти. Огромный и риск, но награда весома.

– Завтра на рассвете я обращусь к богам с целью очищения войска, – отменяя возражения, ответил он. – Будет большая жертва – девяносто девять быков, баранов и жеребцов черного цвета без малейшей отметины. Тебе будет что рисовать.

Все знали: между настоящими воинами и богами не требуется посредников. Молитва, произнесенная в строю, как и жертва, достигнет целей неизбежно, без посредничающих жрецов. Тем не менее, все нормальные люди доверяли профессиональным специалистам в подобном деле. Но не когда необходимо устроить зрелище для нескольких тысяч бойцов, да и практически всего города. В храме просто места не хватит для всех мечтающих посетить церемонию.

– Мне впереди много еще трудов. До самого Холодного моря.

– Нет! – резко сказал Блор. – Он не просто носит мое имя. Он ничуть не отличается от остальных. Мы об этом говорили с самого начала. В семь лет я заберу Гейла, как и всех остальных. Закончится его веселая жизнь, и начнется обучение воина. Не делай того, о чем пожалеешь. Не оставляй его раньше срока и тем более не тащи за армией. В пути посреди зимы может случиться что угодно.

Маленького фема старались с раннего возраста приобщить к определенного рода занятиям. Вид крови должен быть для них привычен и не вызывать отрицательных эмоций. Еще не имея настоящей силы, он приучается правильно срубить головы жертвенным животным – козлятам, ягнятам – и участвует в охоте. Только так можно вырастить ловким, решительным и храбрым. Излишне тесное общение с матерью начинает мешать на данном этапе.

Мужчина, и важнее всего не перепоручать эту роль другому, а заниматься отцу, учит историям о подвигах и деяниях предков. Память о прошлом дает смысл жизни, показывая человека звеном в длинной цепи предков и хранителем традиции. Живи сегодня, потому что вчера уже нет, а завтра, может, и не будет, говорят взрослые. Каждый день прекрасен, и при этом незачем бояться смерти, ведь нас ждет новое рождение, и если ты будешь вести себя правильно не только в своей семье, еще и выше рангом.

– Но...

– Приукрашивать легенду удобнее заочно. Пошлешь парочку учеников. Из десятка, думаю, подобрать несложно.

– У меня дюжина и один!

– Тем более.

– Ты опять решаешь за других!

– Поменяемся местами, стану слушаться. Пошли, Визи, – скомандовал вслух. Уже возле двери остановился и спросил: – Почему Гейл?

– Док предложил, – криво усмехнувшись, призналась Жанель.

«А я ему говорил, как звали моего отца или нет? – в недоумении принялся копаться в памяти Блор. – Не помню. Совсем не помню. Нет, встречу, пока не ответит за все, не отпущу. Обиду без возмещения спускать нельзя».

Он хмыкнул. А иметь в должниках аватару бога? Такого, пожалуй, удержишь насильно!

Глава 4. Победа

Они стояли на холме, позволяющем видеть всю речную долину, наблюдая за страшной бойней. Ни сочувствия, ни радости по этому поводу Блор не испытывал. Здесь даже не потребовалась хитрость или умение управлять отрядами. В очередной раз варвары доказали, что у них ума много меньше храбрости. Гелонцы мало того что не озаботились общим командованием и двигались несколькими отдельными ордами, они и планов заранее не строили. Назвать это воинскими подразделениями было бы в высшей степени странно.

Вели они себя беспечно, привыкнув к отсутствию организованного сопротивления, распыляя силы мелкими группами по всей округе. В принципе опять же ничего удивительного. Все рвались пограбить и обеспечить продовольствием свою компанию, не беря в расчет остальных. Хуже всех в такой ситуации приходилось задним, не имеющим коней, быков, или отягощенным большим количеством женщин, стариков и детей.

Отряды налетчиков мародерствовали, резали скот, жгли селения и убивали не успевших спрятаться в лесу жителей. Чтобы справиться с гелонским войском, абсолютно не требовались ни стратегия, ни тонкие маневры. Просто, практично и грубо вырезать подставившуюся под удар массу – вот и весь рецепт. Когда плотные ряды конницы появились из ближайшего леса и принялись методично истреблять гелонцев почти не задерживаясь, варвары растерялись.

Они никак не могли взять в толк, откуда взялись столь многочисленные враги. На много переходов пути уже не осталось серьезного противника. Откуда им было знать, что армия Блора прошла ускоренным маршем за пятнадцать дней путь, который считался нормальным за месяц. Не зря даже пехота совершала не меньше раза в месяц марши на 15 лиг при полной выкладке.

Блор не надеялся на ополчение и хотел иметь профессиональное войско, готовое к действиям в любой момент. Обходилось это дорого, и поэтому его полковники особой радости при вызове на очередные маневры не испытывали. Поэтому выдергивал не всех сразу а по очереди, причем ставил полки воевать друг против друга. Сейчас это пригодилось, как и упор на конницу.

Беспорядочные группы начали в панике отступать в обратную от атакующих сторону. Многих так и не бросивших отягощающего их добра догоняли и истребляли, но речная долина была слишком огромна и имела достаточно леса, чтобы укрыться в чаще и переждать нападение. Да и задние невольно предоставляли дополнительный срок авангарду. Если утром те чувствовали себя несправедливо обделенными, сейчас, удирая от смертоносных копий и мечей, могли считаться счастливыми. Более резвые оказались излишне близко к врагу и погибли первыми.

Бегство длилось до тех пор, пока легкая конница, подкреплённая остатками местных жителей, заранее стремительным броском обойдя с флангов долину, не вынырнула внезапно в тылу убегающих, мгновенно растоптав и расстреляв из луков первые ряды считающих себя уже спасёнными гелонцев. Боевые кличи, звериный рев дорвавшихся до мести бойцов здешних племен, сигналы труб внесли дополнительную сумятицу в сражение.

Стоило Блору перейти границу, как под его знамена сбегалась тьма народу. В основной массе обычные люди, не способные продержаться против профессионального воина и пару ударов. Зато когда требовалось догонять и резать разбегающихся, они оказались незаменимы знанием округи. Ко всему прочему, он теперь мог на законных основаниях требовать помощи и снабжения армии продовольствием. Все приятнее, чем самостоятельно искать спрятанное зерно в тайниках и чаще. Может, местные и не очень рады такому повороту, однако Блор хоть всего не забирает.

Отрезанные от спасения варвары вынужденно вступили в бой, и со стороны очень скоро уже сложно было разобрать, кто где находится. Только переместившись ближе, Блор смог выяснить подробности. Впрочем, к тому времени они уже оказались ни к чему.

Ловушка сработала, и вместо правильного кавалерийского сражения вышло массовое убийство. Противник вступал (если вступал, а не бросая все бежал) в столкновение мелкими группами и погибал под накатившимися лавой сотнями, почти не причинив ответного ущерба.

– Победа! – резко осаживая жеребца, вскричал счастливый Рей. Впервые он самостоятельно водил в атаку личную сотню. И не просто командовал – еще и своевременно оказал помощь соседнему полку. – Там тысячи убитых!

– Уже посчитал? – саркастически поинтересовался Блор и обернулся к неподвижно стоящему Карнару.

Ему был сейчас необходим «Хитрый». И торчащий по соседству Чипинг со своим опытом и знанием местности – не меньше.

Он так и не двинул пехоту вперед, продержав ее наготове в резерве. В тридцати лигах отсюда встал лагерем передовой отряд армии гелонцев. Безусловно, у них просто не было возможности прокормить всю эту массу переселенцев, находись они вместе. Именно поэтому шли несколькими раздельными дружинами. Как оказалось, очень удачно для них и плохо для него.

– Если не по реке, а напрямую, мы успеем подловить орду, идущую левой тропой рано утром?

– Хочешь двинуть прямо сейчас? – не особо удивившись, спросил Блоров личный гелонец, понимающе переглянувшись с командиром пехоты. – Есть у меня один человек, служил раньше здесь.

– Давай, – потребовал Блор, – сюда его. Найди Франка, – приказал Рею, – пусть наводит порядок. Заодно и трупы посчитаете.

– Да, господин, – довольно подтвердил Рей: его мимоходом поставили на ступеньку ответственного за последние почести. Это не повышение, но серьезное доверие.

Да и не стал Блор всерьез его воспитывать. Уже прекрасно. С восторгами тот, конечно, поторопился и сам это уловил. Но ведь они победили, и виноватым Рей себя не чувствовал. Тем не менее, убраться подальше совсем не прочь. Командовать сотней много легче, чем принимать ответственные решения. Уж это он усвоил навечно.

– Точно! Я хочу знать правильное число, а не красивые придумки.

– Да, господин, – послушно подтвердил Рей.

Просто свалить погибших в ямы уже не удастся. Быстренько от поручения не отделаешься. Конечно, уничтожение оказалось далеко не полным. Слишком много врагов, и крайне резво те разбегались в разные стороны. При приблизительном общем превосходстве над победителями раза в три – и так огромное достижение и впечатляющая победа. Гелонцев обычно мало убить, требовалось еще повалить мертвого, настолько они упрямые.

– Я тебя где-то видел, – пробурчал Блор, изучая представленного пред светлые очи зна-тока дорог.

На мужика он не походил абсолютно. И даже не потому что высок, откровенно симпатичен и помимо куртки из вареной кожи с нашитыми сверху металлическими бляхами имел и очень приличный меч. В бою взят или куплен – не принципиально. Повадка выдает профессионала. А рожа откровенно горичанская.

– Под Лашенгой, – ничуть не смущаясь, ответил воин. – Я тогда был командиром латников. Пирсом кличут.

– С Кроном приходил говорить про сдачу, – кивнул Блор. – Помню тебя. Почему не повесили? Его не пощадили, а ты здоровехонек.

– Разжаловали зато и отправили сидеть в тюрьму. Честно сказать, не в самую ужасную. Голодом не морили, но под конец совсем слабый стал. Тут Град и взяли, а меня выпустили уже новые хозяева тцарства.

– И сразу пошел служить?

– Нет, – без запинки отказался Пирс. – Пока разбирались, что к чему, потихоньку утек в родные места. А может, и до сих пор не каждый в курсе, что в тюрьмах разные люди сидят, – он приятно улыбнулся. – Не одни душегубы и заговорщики.

– Еще и с собой несколько человек прихватил, – прогудел с усмешкой Карнар.

– Не в том дело, что несправедливо поступил старый государь со мной. Может, и стал бы воевать, мстить за содеянное, – по-прежнему спокойно произнес горичанин, глядя синими глазами Блору открыто в лицо, – да родичи мои из признавших твою власть. Говорят, пока новый тцарь слово держит, сиди тихо и не мешай семье жить. Лучше честный налог, чем пепелище и трупы.

– А здесь в каком качестве обретаешься?

– Позвали охотников, когда войско собираться принялось. Я и подался в пятый полк.

– Жить на земле уже не можешь: к другому привык.

– Так, господин. Я на мече вскормлен и кровью вспоен. Не умею сидеть и копать в огороде, счастливый, что мытарь лишнего не взял.

– Десятник справный, – кивнул его полковник.

– Знаешь, зачем зван?

– Да, господин. Я как раз нужный человек. Пять лет назад стояла наша застава заметно южнее, но в ответ на набеги мы тоже не стеснялись. Летом там не пройти. Реки, речки, озера, местами сплошные болота, на которых обожают прятаться от налетчиков деревенские. Да вот морозы удачно подмогли: до самого дна промерзло. Зимой дорога окажется легкой, коли пойдем по льду. Хорошая задумка. Нас не ждут. Свалимся прямо на голову. Я это сделаю!

– Сумеешь провести – получишь сотню под начало.

– И право выбрать людей! – наглея, потребовал Пирс. Просто так от него не отделаться, и подсунуть кого попало не удастся.

– Не будет в моих полках раздела между кнехтами и разницы в положении, – резко заявил Блор.

Он посыл поймал сходу, однако подчеркнуть в очередной раз не последнее дело. Трения на почве происхождения случались неоднократно, и реагировать приходилось быстро и без сомнений. Чем жестче, тем правильной. Иное грозило взрывом, а он себе этого позволить не мог.

– Знаю я ваших, сто лет станут поминать, кто из рабов вышел или крепостных. Родную кровь приветить желание уважительное, но если в десятке больше двух родичей – ей не быть. А командиру никогда не подняться.

– Я знаю, господин, – отчетливо наклонив голову, ответил Пирс.

Не только пытаясь показать уважение: еще очень хотелось скрыть выражение лица. Сам за собой знал: не очень умеет изображать невозмутимость. Раздражать сейчас тцаря опасно и крайне невыгодно, но ведь говорит он не вполне правду. Своих родственников не отодвигает подальше, а доверяет ответственные дела. А они все мальчишки. Не доросли до должностей. Одного оставил на своем месте, отправляясь в поход, другой смотрит зверем из-за спины. Денес, пожалуй, не хуже Шибана оказался. Угодить к такому в руки очень не хотелось.

– Для меня нет разницы, кто человек, главное – чтобы вел себя правильно и не трус оказался.

– И раньше так было, – не удержался Пирс, – в отличие от фемов в Империи, мы сами создаем себе имена и творим деяния.

– Север, – с оттенком гордости подал голос Чипинг. Война с сородичами не мешала ему всем и каждому доказывать свое превосходство. – Кровь себя кажет.

– Север, юг, – нетерпеливо буркнул Блор, – она одинаково алая. И люди не отличаются. Есть храбрецы, трусы и мечтающие чтобы их оставили в покое. Другого не дано. Мы все воины и слышали. Слово сказано. Сам вызвался, добровольно и без приказа. Теперь докажи свои знания – и получишь награду. А я оценю весомость деяний. Плохих и хороших. Начали! – повысив голос, приказал. – Поднимайте полки!

В авангарде армии двигались широким охватом три сотни легких кавалеристов. Все шесть пехотных полков, включая личный и конные отряды по бокам и сзади, прикрывая от нападения и проверяя местность. Рассчитывать в дальнейшем на неожиданность не имело смысла. За час до рассвета войско, выстроенное полуколыцом, стараясь не греметь железом, начало приближаться к спящему вражескому лагерю.

Благодаря внезапности они уничтожили еще один крупный отряд гелонцев, застав их в лагере практически без охраны. Звуки боевых труб, играющих атаку, подняли варваров с постелей ничего не соображающими и раздетыми. Боевое охранение отсутствовало. Тут не могло помочь и численное превосходство. Внезапность и натиск со всех сторон принесли ожидаемый успех.

Резня, начавшаяся в предрассветных сумерках, продолжалась до самого обеда. Двести шестьдесят четыре убитых кнехта и четверо сотников против семи тысяч уложенных навсегда варваров и почти пяти тысяч пленных. Трофеи взяли буквально гигантские, обеспечив чуть ли не каждому участвовавшему в бою нагруженную чужим добром телегу и парочку крепких рабов.

А вот сняться сразу, на рассвете следующего дня, как было бы правильно, уже не удалось. Очередные массовые похороны, дележ трофеев, отправка пленных под охраной в тыл, просто отдых после нескольких переходов на пределе сил. Есть приказы, которые правильнее не отдавать. Даже если люди подчинятся, очередного броска не выйдет. Они и так с удовольствием пойдут за Блором хоть на чистый лед замерзшего океана, убежденные, что он и там им обеспечит громкую победу и кучу чужого имущества.

Проблема в другом. Все эти захваченные телеги и люди нуждались в присмотре и охране. А вновь делить и так уменьшившуюся до трети начальную армию – нарываться на серьезные неприятности при встрече с противником. Да и продолжать путь без конного прикрытия – самое худшее из возможных действий.

– Если бы хотел обдирать своих людей, – изучая при свете костра Злюку, так и не извлеченного из ножен – без него обошлись, – пробурчал Блор, – я бы просто позволил продажу трофеев. Сначала награбили гелонцы, затем мы отняли. Кнехты даже не знают настоящей цены и спустят за бесценок.

– Хм, – отчетливо сказал Эрдем.

– Я прекрасно знаю, – даже не покосившись на него, заявил Блор, – что так вроде бы положено. – Хапнул и тут же толкнул вот такому вот Тадеру. Можно погудеть на все три орла, доставшиеся за парочку рабов и серебряный кубок. Аж до полной отключки из-за добавленного в вино дурмана. Совсем избавиться от этого не удастся. Всегда найдутся умники, прячущие по карманам снятые с покойников кольца, и еще более хитрые, эти вещи втихомолку скупающие. Но что я могу – сделаю.

– Они все равно пропыют, – лениво возразил Одрик.

– И правильно сделают, – поддержал Чипинг. – Для того и рискуют.

– Вот и прокутят минимум в два раза больше, – отрезал Блор. – Сколько дадут за раба здесь – и возле моря, на юге? Каждый получит свою честную долю. Есть возражения? – он обвел взглядом присутствующих.

Где-то в стороне, возле леса раздался жуткий крик. Никто не обернулся: объяснять причину не требовалось. Очередной беглец попался. Этому, похоже, вдвойне не повезло. Его не сдадут в общий полон, а станут резать на куски. Скорее всего, местным ополченцам в руки угодил. Эти оторвутся до конца. Щадить не станут. Их право. Вмешиваться Блоровы люди не будут. Зачем настраивать против себя союзников? Пусть потешат душу справедливой местью.

– И все же, – произнес Карнар, – так нельзя. Я не про перекупщиков, наживающихся на крови. С этим согласен. При наших возможностях, – он слегка усмехнулся, – конечно, выгоднее отправить рабов на продажу подальше и разделить потом.

Он прекрасно знал, что Бривел со своим торговым домом с этого получит немалый куш. Посредник без наvara не останется. А где кончаются капиталы Бривела и начинаются империи его старшего брата, один Блор в курсе. На самом деле это полковника нисколько не тревожило. В одном отношении сказанное являлось абсолютной правдой – сколько бы они на пару ни откусили от общего пирога, конечный результат выходил приемлемым.

Как обдирают купцы в подобных случаях, полковник не понаслышке знал. Достаточно послужил и видел своими глазами. Все правда – их с оценкой трофеев не обманывали, хотя несогласные с долей обнаружатся при любом раскладе. Зато он мог быть вполне доволен. Полученные земли в основном дохода почти не приносили. Слишком много приходилось вкладывать, заманивая новых поселенцев. Еще и следить приходилось за управляющими, чтобы не воровали.

Он предпочитал не морочить себе голову, а брать чужое в бою. Удачный поход мог не только помочь решить многочисленные финансовые проблемы, но и оставить неплохой задел на будущее. По самым приблизительным расчетам вчера он заработал раз в пятнадцать больше годовых поступлений с поместий.

– Ко всему еще – к концу похода претендентов на долю поубавится, – поддержал крайне практичный Чипинг.

– Но, – пропуская мимо ушей реплику, закончил мысль Карнар, – помимо прилипал, норовящих обмануть всех и каждого, возле войска трется масса полезного люда. Ремесленники, шлюхи, они же прачки...

Присутствующие дружно рассмеялись.

– Отец говорил, при Парикаре на каждого кнехта приходился нестроевой. Неудивительно, что сначала почти год гонялись за Армастроном, а потом у осаждающих, не наоборот, начался голод. Зачем вешать специально груз на ноги?

– А поставщики снаряжения, провианта...

– Война кормит сама себя, – сказал Блор. – Иначе нет смысла ее затевать.

– А наши друзья об этом знают? – восхитился Одрик. – Им делиться пищей.

Знатные воины могли свободно говорить в присутствии своего тцаря. Кто тебя им сделал? – прозвучало бы неминуемо, попытайся отдернуть. Ты лучший из нас, но один из нас. Все равны перед смертью, и только в бою никто не станет возражать. Сейчас всего лишь дружеское обсуждение.

– Это уже моя земля, – под очередной смех сказал командующий. Все помнили его высказывание, когда тцарство еще надлежало захватить: «Лишней земли не бывает, и брать ее нужно не колеблясь, докуда хватит сил», – пусть посмеют возразить. – И пока мы не связаны большим обозом и кучей нестроевого народа, можем передвигаться в два раза быстрее привычного, падая внезапно на неготового к бою врага. Они достаточно награбили, чтобы нас обеспечить на ближайший срок. С одной коровы двух шкур не сдерешь, выходит, надо пользоваться свежееубитой. И претензии не к нам!

Чипинг восхищенно покачал головой. Умение устроиться, чтобы тебя благодарили совершенно искренне все, и при этом не упустить собственного корыстного интереса, его искренне восхищало. Когда-то он пошел на службу в расчете на приличный куш в набеге. Поимел много

больше и ни разу о своем решении не пожалел. Блору не хватало опыта, но он умел думать и оказался справедлив, как настоящий вождь. За дело накажет – и наградит соразмерно. Завоевывает земли не для себя, но и для своих воинов, щедро делясь с ними.

– Это так, – согласился Эрдем, – но достаточно народу успело удрать и там, и здесь. Мы больше не можем создавать столь замечательных сюрпризов.

– Не бывает ничего повторяющегося. Прошлогодний снег не выпадает снова. Нет праздников, которые не кончались бы. Мне продолжать?

– Я тоже могу разговаривать пословицами, – согласился Эрдем. – Тому, кто едет на тигре, трудно спешиться.

– Мелким топором большой ветки не срубишь, – без промедления продолжил Блор. – Завтра ждем конницу и федератов.

– Они не успеют, – возразил Одрик.

– Пошлешь гонцов поторопить. Хватит им прохлаждаться, пора брать трофеи. Пусть, кстати, твои люди похвалятся и позвенят золотом.

– Гы, – оскалился Одрик.

Одиннадцать тысяч федератов, идущих по соседству, отнюдь не рвались героически в бой. Их гораздо веселее звала надежда нажить. От князя до последнего обозника и нестроевого – все знали, что получили ушедшие с Блором в первый раз. Драгоценные металлы и хвастовство очень уместны для подталкивания вперед. Вряд ли им удалось пока сильно обогатиться. Многочисленная конница тцарства шла впереди и снимала все возможные сливки.

– Мне нужен единый кулак, а не отдельные отряды. Нас слишком мало, чтобы справиться с лавиной переселенцев с островов.

И вот теперь объединенная армия несколькими параллельными колоннами топала по морозу, похрустывая настом, образовавшимся от подтаявшего под дневными лучами солнца снега. Триста лиг тихо течет Сухона вдоль заросших вековым лесом берегов. Петляя и пробираясь болотистыми местами, она собирает в себя ключи, озера и мелкие реки, разливаясь даже в межень на три лиги в ширину.

Иногда встречая на пути плотные острова из камня, она разбивается на несколько рукавов, оставляя один из них все равно наиболее мощным, широким и носящим имя Сухона. Плавать по этим местам одно удовольствие, как и ходить зимой по проложенным богами водным дорогам, скованным холодом.

Когда навстречу понеслись всадники, Блор не особо удивился. Это было заранее предсказуемо. Если гелонцы с ума не сошли, а ребята серьезные и глупостями обычно не страдают, два дня на подготовку у них имелось. Сидеть на месте всей толпой – в высшей степени глупо. По его подсчетам, со слов беглецов и видевших воочию высадку, после всех побед должно было выступить навстречу тысяч пятьдесят. Причем это воины, а не общее количество. Далеко отрываться от основной базы – городов Сия и Вага – не посмеют. Семьи надо прикрыть.

Где-то тысяч до двадцати пяти своевременно подтянуться не успеют, и это ему плюс зараннее. Добивать рассеянных много проще. Но это при условии, что все пройдет правильно. У него после потерь, пусть и невысоких, и отправки пленных с охраной в тыл восемь тысяч пехоты, двенадцать конницы и одиннадцать федератов. Этими он напрямую командовать не мог, хотя действия согласовывались. Еще тысяч пять местных бойцов, пришедших добровольно. Фактически у противника почти двукратное преимущество. Это не самое плохое. Уже били агрессоров из-за моря с таким соотношением сил, и армия уверена в победе.

В такие минуты Блор был рад отсутствию необходимости отдавать приказы. И без его указаний полковники, получившие опыт в боях, среагировали с похвальной скоростью. Гонцы от авангарда заставили войска остановиться. Под ругань командиров с самого верха до низа они принялись перестраиваться, разворачиваясь к приближающемуся противнику фронтом.

Барабаны задавали темп, не позволяя расслабиться и координируя действия соседей. Полки строились в каре, прикрывая соседей и отгораживаясь спереди волной легковооруженных ополченцев. Кавалерия, правильно реагируя на обстановку и флажковые сигналы, пошла на фланги.

Два войска замерли в боевой готовности друг напротив друга. Блор рассматривал со спины Самрата, прищурившись, будущее поле сражения. Не так уж и плохо. Справа крутой берег и атаки можно не ожидать. Слева намного удобнее – луг, но у гелонцев практически нет кавалерии. Это очень хорошо. Численное преимущество сводится удачной позицией в ничто, а если командиры гелонцев не дурни, обязаны часть сил развернуть для защиты от охвата конницей. Хуже другое – сзади обоз с женщинами и детьми. Они не могут бросить семьи и не побегут. А их много, очень много.

– Ну что, – со смешком произнес Эрдем. Он уже в возрасте, но крепок, и латы на нем как влитые. На мощном боевом жеребце попона с изображением грифа на сине-красном поле. – Сегодня хороший день для ИХ смерти, – и показал на войско напротив.

«Опять»! – неожиданно понял Блор, вспоминая видение в Храме, и совсем не удивился ответной реплике Одрик:

– Да ты изрядный вольнодумец.

Буквального повторения опять нет, да и место не то. Даже соратники частично иные. И что с того? Он в очередной раз вышел на рубеж. Победа или смерть ждут впереди всех в зависимости от принятых решений. Ну что ж, пришел срок показать, чему он научился и достоин ли идти дальше.

Возмездие, всерьез удивленный, обернулся на Повелителя. Причина вспышки волнения осталась для него неизвестной. Ничего сверхординарного не происходило, и опасности не наблюдалось.

– Карнар, – потребовал, не поворачивая головы.

– Мы тренировались для этого полгода, – уверенно ответил тот.

Тактику они обсуждали многократно, и сейчас надо лишь слегка подкорректировать согласно обстановке. Маневр достаточно сложен. Любое отступление чревато, но возражение позволительно после исполнения. Да он и не собирался отрицать красоту идеи.

– Они все сделают правильно.

Нельзя научиться вдруг действовать в плотном строю. В полках очень мало находилось молодых и неопытных. Все они прошли через прошлый поход, многие и раньше неоднократно сражались. И все же существует огромная разница между умением фехтовать и искусством маневрировать в составе больших подразделений. Подготовка к войне – единственная и важнейшая цель воинского обучения. Выполнение приказов и слаженность – вторая составляющая победы.

Посыльные умчались с приказами, и полки принялись медленно пятиться, ошетинившись копьями. Лучники и пращники тоже поспешно отступали, почти не пытаясь ответить на летящие от противника стрелы. Варвары взорвались возбужденными криками. Стук мечей о щиты, оскорбления, вопли презрения. По их понятиям, отступление – натуральная трусость и достойна презрения.

Строй сломался, и северяне хлынули вперед, с диким ревом, в очередной раз показав примат тела над разумом. Именно это от них и требовалось. Именно на таком поведении и строил расчет Блор. Подверженные порывам чувств, они не знали иных побуждений, кроме сильнейшего желания дорваться до врага и, взяв его жизнь, добро и женщин, прославиться среди товарищей. Ни о каких планах здесь речь идти не могла, одни эмоции.

– Поднять флаг! – приказал стоящему рядом Рею.

Сейчас не до его недовольства. Каждый обязан быть на своем месте согласно заранее расписанному положению.

Самрат вскинул голову и заржал, присоединяя свой голос к боевому пению труб. Он рвался в свалку, готовый с места перейти в галоп, и приходилось сдерживать.

– Не время, – пробормотал Блор, машинально похлопывая жеребца по шее, успокаивая.

Конные сотни неслись в сторону атакующих, не доходя до накатывающего вала озверевших варваров, обстреливали его из луков, забрасывали дротиками и, не позволяя себя догнать, уходили в сторону, а на их место становилась следующая сотня.

Быть зачисленным в кавалерию означало не просто повысить статус и размер пожалованных земель, но и требовалось доказать мастерство. Попасть с несущегося скакуна точно в цель – достаточно сложное дело. Надо родиться с умением ловить ритм удара копыт и выпустить стрелу в тот короткий момент, когда он отрывается в очередном прыжке от земли.

Они долго тренировались не просто стрелять, а в строю, и стрелы метко разили бегущих. Трупы густо устилали весь путь – ведь порядок у нападающих отсутствовал, и в беспорядочном движении не так просто закрыться щитом.

Трусость не избавит от смерти, твердо знали гелонцы и продолжали идти вперед вопреки страшным потерям. Слитный бросок множества дротиков из рядов пехоты их тоже не замедлил, вопреки множеству погибших и раненых. Они обрушились на строй с ревом, и удар был так силен, что под напором атакующих кнехты отступили на несколько шагов. Завязалась упорная битва, где преимущество в численности позволяло давить, так что правый фланг продолжал, теснимый варварами, медленно прогибаться.

За сражением полководцу правильно наблюдать со стороны, да еще с высоты холма, дабы иметь обзор. На реке такое устроить достаточно сложно. Она как-то не привыкла, вздыбившись горбом, останавливаться к его услугам. Еще недавно он мог четко и осмысленно отдавать приказы, сейчас же, лишенный обзора, видел обычный хаос столкновения огромных людских масс. Что происходит на левом фланге, он практически не наблюдал, оставалось положиться на донесения с посыльными. Но там он не особо опасался. Конные сотни, зайдя с флангов и тыла, должны продолжать наносить удары по наступающим, сбивая порыв и прореживая отряды.

Другое дело на правом. Федераты уперлись в обрывистый берег, отступать им некуда, и биться станут до конца. А вот его полки вопреки ожиданию продолжали отходить. Медленно, упорно отбиваясь, они пятились, и это могло закончиться прорывом и поражением. План и жизнь вечно не совпадают в реальности. Видимо, пришло время действовать, пустив в ход резерв. Ждать дальше – рисковать всем. Ситуация критическая, и пора ее ломать.

Блор поднял руку, за спиной слаженно загудели трубы. Тысяча тяжеловооруженных всадников, его давняя идея, наклонили длинные копья вперед, готовые идти в атаку. Второй сигнал, грозный и вызывающий, так что многие впереди прекратили схватку, невольно остановились и посмотрели в эту сторону. Он с силой сдвинул бока Самрата и направил его к наметившемуся разрыву между бьющимися полками и федератскими когортами. Легкой рысью, переходящей в галоп, вся тысяча, как один человек, понеслась, гремя копытами и звеня броней, прикрыты были даже лошади, на сгрудившихся варваров.

Столкновение было настолько стремительным и мощным, что клинья буквально разрезали не успевшую приготовиться людскую толпу. Множество попало под уколы копий, немало просто растоптано. Варвары, несмотря ни на что, продолжали сопротивляться. Они кидались со всех сторон, норовя проткнуть коня или всадника. Остановиться означало завязнуть в человеческой массе, потеряв энергию напора, и превратить раскалывающий строй клин в кучу отдельных схваток, где преимущество у более многочисленного врага.

Первые ряды его отряда исчезли, люди погибали один за другим, беря высочайшую плату за свою смерть. С диким ржанием упала, молотя копытами без разбору по окружающим, лошадь, сбросив закованного в латы телохранителя. К нему моментально кинулось несколько гелонцев. Шансов выжить у кнехта практически не было, но первого же напавшего тот прикончил ударом в живот.

Дальше смотреть стало некогда. Здесь не представление, и чем закончилась схватка, Блор так и не узнал. Он продолжал беспрерывно работать мечом, вновь и вновь раскалывая вражеские головы, отбивая удары и отсекая руки. Впереди реяло знамя, и там наверняка находился один из крупнейших командиров. В голове ничего не имелось помимо яростного желания добраться и изрубить на куски. Из рта вместо боевого клича рвался почти волчий вой, но он его не замечал.

То ли сам вражеский полководец, то ли один из его охранников в богатых одеждах и с кучей золотых цепей и перстней, выскочил навстречу с огромным топором в лапах. Искривленные яростью и возбуждением черты лица были отвратительны, и попадать ему под руку точно не стоило.

Ни на мгновение не задерживаясь, Блор нанес многократно отработанный удар сверху. Кавалерист всегда имеет преимущество в поединке со стоящим на собственных ногах. Воин оказался отнюдь не прост и успел закрыться, только ему это мало помогло.

В последний момент Блор слегка изменил направление, и в страшном шуме битвы, среди воплей умирающих, звона железа, боевых кличей и храпа коней неожиданно прозвучал почти женский визг. Отсеченные пальцы богатыря упали в снег под ноги, а он стоял, непонимающе глядя на свою руку, пока второй удар не снес ему буйную башку и тело не исчезло под копытами.

Знамя впереди внезапно упало, и вместо него появились конные кнехты. Блор едва удержал руку, готовую проткнуть выскочившего ему навстречу. Если бы не крик «Грай!», не успел бы остановиться. Это были не его всадники, и эмблемы не соответствовали. Вернее, не из резервной тысячи тяжелой конницы. Видимо, нападение с тыла удалось и подоспели своевременно.

Внезапно враждебные лица, тела, тянущиеся к нему острия исчезли, и впереди кроме множества тел и бегущих людей никого не осталось. Даже крики и стоны остались где-то позади. Он в недоумении обернулся.

– Мы прошли их насквозь! – с восторгом закричал Рей, заляпанный кровью с головы до ног. Его переполняло счастье за свои заслуги. – Мы их сделали!

Насколько видел глаз, по всей реке и на ее берегах лежали груды трупов, носились лошади без всадников, и конники истребляли деморализованных северян. Под бой барабанов приближалась его пехота, спасенная от разгрома. Сопrotивления уже не было. Когда варвары атакуют, им удержу нет, когда бегут – догнать также непросто. Поток разбился, распавшись на капли, и их уже ничего не стоило стирать. Вряд ли кто в полках не понял, что произошло и кто их всех спас. А до кого не дошло, тому товарищи быстро объяснят.

– Рикс! Рикс! – орала вокруг, признавая за ним право главнокомандующего, стоящего всего на ступеньку ниже верховной власти. И всего двое не назначенных, а провозглашенных на поле боя. В истории таких немного, меньше десятка. Императоры властью делиться не любили. И правильно. Добрая половина из назначенных и один самостоятельный, имея возможность контролировать армию, поднимали мятеж. Как минимум дважды император при этом менялся. Результаты, правда, выходили не всегда оптимальными, и некоторые кончили на плахе, но прошлое редко помнят во всех подробностях. – Грай! Рикс! Веди нас!

Блор невольно оскалился. Извлек из ножен Злюку и отсалютовал под ответный рев своим бойцам. Да, он их вел и дальше поведет, но умирать за него и приносить победы станут обычные воины. Только вместе они непобедимы!

Глава 5. Невеста

– Ты издеваешься? – вскричала Изабелла, порывисто вскакивая с кресла.

Она даже забыла о лежащей на коленях книге, и та звучно шлепнулась на пол, незамеченная.

Придворная дама Лиана не стала кидаться и подбирать. В свои двадцать семь лет она твердо знала, когда лучше не обращать на себя внимание. Меньше всего ей сейчас требовалось вступать в ссору своих господ.

– Ты ведь знала, к чему все идет, – рушась в стоящее у окна кресло и изящно закладывая ногу на ногу, устало сказал герцог.

Он достаточно знаком со своей сестрой, чтобы не понимать, какая реакция ждет на сообщение.

– К продаже меня неотесанному варвару! – ядовито сказала Изабелла. Никто бы не назвал ее красавицей, хотя привлекательной она безусловно являлась, полностью соответствуя столичным канонам красоты, – смуглая, с карими глазами и иссиня-черными буйными волосами, могла бы затмить многих. Сейчас, раскрасневшись от нахлынувших чувств, стала крайне симпатичной. – Да брось он к твоим ногам все сокровища мира – и это не перевесило бы древности нашего рода! Это... это... унижение!

– Унижение, – без выражения произнес старший брат, – это когда я, потомок хозяев севера, правлю на узкой полосе земли, окруженный со всех сторон бывшими вассалами. Когда я позорно должен делать вид, что меня устраивает подчиненность имперским чиновникам, ничего не понимающим, но жадным до взяток. Когда любые обращения к императору игнорируются или решаются не в пользу нашего рода. Я сохранил право на роль судьи в распрях бывших подданных, однако обращаются за решением не ко мне! Я не имею права наводить порядок даже там, где явно совершаются несправедливость и злоупотребления!

Лиана стояла, опустив глаза, и внимательно слушала. Хорошо это или плохо, но так уж решили боги, даровав ей родиться в древней и абсолютно нищей семье. Отвратительные урожаи последних лет заставили заложить последнее имущество. Братья могли пойти в наемники или нести тяготы в личном отряде герцога на всем готовом. С ней обстояло много хуже. Без приданого нечего и рассчитывать на приличную партию.

Благородные предки, три столетия служившие семье Чапаров, позволили обратиться маменьке с просьбой к Изабелле. Той в принципе было без разницы. Одной дамой подле больше или меньше. Сестра герцога уже при рождении получила позолоченную колыбель, застланную тафтой и одеялом из сотен беличьих шкурок, хотя девочка родилась весной.

Изабелла одевалась в платья, стоящие годового дохода всего их баронства, и искренне не понимала, как можно отказаться от тканей прямиком из столицы в целях экономии, если ей так хочется. Обязательно пурпурное и расшитое крупными жемчужинами. Как и родители прежде, Нгоби выполнял ее прихоти и не пытался возражать, оплачивая очередную взятую в долг драгоценную безделушку.

Притом умом его сестра обладала цепким, а честолубием непомерным. Просто основное направление ее мыслей было обеспечение себе приятной жизни, а для этого иногда приходилось идти на всевозможные ухищрения. Вот и сейчас она не столько гневалась, сколько играла, прекрасно сознавая важность и перспективность брака. С другой стороны, почему не получить в утешение дополнительный подарок?

Наверное, многим низкороджденным казалось все просто замечательно, и жизнь в резиденции Чапаров не изменилась. Находясь в центре, самом сердце герцогства, Лиана давно осознала – это не так. Императоры умело стравливали провинциальную знать. Находили себе

опору в одних родах, удаляли от себя другие, жаловали, но не допускали к высотам власти третьи, накладывали опалу на четвертые.

Чем древнее род, тем меньше у него оказывалось шансов накопить достаточно сил для возражений. Просто сейчас на троне оказался не слишком умелый манипулятор. Мало интересующийся окраинами своего государства император многое пустил на самотек, и столичные группировки присвоили себе во многих отношениях колоссальную власть и распоряжались всей страной безраздельно. Предел их амбициям полагало одно лишь соперничество между разными лидерами, нередко в одной семье, что давало слабым определенную свободу маневра.

Свары в метрополии, частенько с убитыми из-за угла, или попадание в опалу следовали одно за другим, и уже пару лет до их провинции никому не было дела. Здесь все решало количество войск и наглость. Когда очередного барона обнаруживают мертвым со всем семейством, разыскивать злоумышленников обычно поздно, пусть вся провинция знает имена убийц. Самое время попытаться переломить ситуацию. Герцог сумел найти дополнительную силу и ход, достаточно красивый.

– И чем поможет мое замужество?

– Полученной военной силой! Как я могу защищать достояние предков при моих малочисленных людях? Скодр привел мне пять сотен воинов, практически удвоив возможности герцогства!

– Этот чурбан, – фыркнула Изабелла. – Мне попадались и гораздо более воспитанные псы.

– Да, – без особой радости согласился брат, – он не умеет правильно кланяться и произносить речи. Да и воняет от него. Очень многие из моих соседей гораздо лучше одеваются. Зато он пес! Не цепной, вроде моих телохранителей, готовых лаять по команде и даже напасть на чужака, вторгшегося без приглашения во двор. Этот привык брать крупную дичь и не спросит, насколько опасно сжечь замок Прието. Его не заинтересует ни причина, ни последствия. Достаточно сказать «фас»!

– Он пес тцаря, а не твой! И команды ему отдавать станешь не ты!

– Зато у Блора будет жена, способная подсказать, как правильно себя вести, – буркнул герцог. – Мысли частенько перескакивают на других, как блохи. Особенно когда головы находятся на одной подушке.

Лорд Монихезм шевельнулся, напоминая о себе. Пока хозяева спорили, он стоял неподвижно, только в самом начале позволив себе подмигнуть Лиане. Они были знакомы с детства, и если бы в семье Лианы имелось хоть что-то помимо дряхлого особняка и кучи долгов, мог бы и посвататься.

Он девушке нравился по многим причинам. Сверкающие глаза, каштановая бородка и вьющиеся волосы, величавая осанка. Мужчина, каких мало. Тревор замечательный фехтовальщик и безрассудный тип. Вышел бы замечательный любовник.

В качестве мужа – хуже некуда. Вечно станет изменять и запросто способен ради красивого жеста отмочить некую изумительную глупость. Так что в каком-то смысле повезло, размышляла дама, наблюдая, как он красиво – о, как красиво двигается и преклоняет колени, предъявляя Изабелле причину своего присутствия – ларец. Поставил на столик и ловко отступил, вроде как случайно оказавшись возле Лианы.

– Посмотри-ка, Изабелла, на подарок Блора! – сказал герцог. – Он стоит шесть тысяч империалов.

Лиана мысленно ахнула. Даже герцогиня заинтересовалась. Заглянула под крышку и извлекла на свет золотую диадему, украшенную множеством изумрудов и рубинами. Приложила к себе и отступила в сторону, позвав служанку с зеркалом. Ей не терпелось увидеть свое отражение.

– Золото сильнее оружия, – почти не открывая рта, прошептал лорд Лиане. – И это единственный способ управлять женщиной. Добившись ее, ты всегда обнаружишь прелестную ручку у себя в кармане.

– У барана взгляд на шашлык очень отличается от человеческого, – так же тихо произнесла она.

– О! – он вздернул бровь в гримасе одобрения. – Моя подружка решила посоревноваться в остроумии.

Изабелла между тем извлекла из ларца два браслета и кучу колец. Если все одновременно надеть на пальцы и сжать ладонь в кулак, очень недурственный кастет выйдет. В этом девушка неплохо понимала, имея трех старших братьев и подготовку оруженосца. Особо не афишировалось, но Лиана состояла при Изабелле еще и в роли телохранительницы.

Женщин редко опасаются, а воткнуть длинную булавку в глаз или ударить тонким острием вроде шила – никакая кольчуга не спасет. Она никогда не расставалась с подобными вещами даже в самой спокойной обстановке. У каждого своя роль, и негоже о ней забывать.

– Где уж нам, – вздохнула Лиана, в душе довольная: Тревор редко признавал за другими меткое слово.

– И правильно, – выпячивая грудь, прошептал собеседник, – переплюнуть меня еще никому не удалось.

– Среди мужчин.

– Женщины просто заговорят до отключения мозгов.

– Твои выпады, милорд, заметно превосходят размеры приличия. Будь осторожнее и не заговаривайся в присутствии высокородных особ.

Они разговаривали с отработанным выражением глубокого внимания, не выпуская из поля зрения родственников. Поэтому никто не стал вздрагивать, когда Изабелла потребовала поделиться, насколько ей идет обновка.

Лорд Монихезм моментально рассыпался в глубоких и подходящих моменту уверениях в убивающей на лету красоте, не нуждающейся для подчеркивания в подобном обрамлении. Судя по взгляду, миледи осталась недовольна. Тут же на ходу перестроился и сообщил о также присланном плаще, подбитом соболями и расшитом золотыми нитями. Подозвал одного из слуг жестом и был моментально прощен и забыт. Сестре герцога стало не до него. Очередной подарок требовал тщательного изучения.

– Наш жених щедр.

– Он рассудительный малый, и если подвалила удача породниться со столь славным родом, готов заплатить за эту привилегию не жадничая.

– Изабелла, конечно, снисходит до него, согласившись на эту партию, но ведь ты ездил в тцарство отнюдь не по приглашению. Герцог сам направил с предложением о замужестве.

– Допустим, не сам, а с моей подачи, хотя идея и без того напрашивалась. Разница между фемом и герцогом – в размере контролируемой территории. В нашем случае, я бы сказал, еще и в количестве воинов. И того, и другого, и золота у Блора во много раз больше любого принца крови. И кто в ком сильнее нуждается, крайне интересный вопрос. Будем считать, весы уравновесились.

– А ты вместо богов за этим наблюдаешь?

– Я приложил к случившемуся руку, и очень надеюсь, не зря. Каждый получает нечто ему нужное. Ты ведь слышала последние новости из Карунаса?

– Кто же их не слышал?

Казнь канцлера и конфискация имущества у его самых отдаленных родичей, а также уж совсем непонятные деяния вроде сжигания городов и переселения огромного количества народа в дальние края Империи, отчего произошло множество смертей, никого особо не удивили. Не в первый раз происходит, пусть и не с таким размахом. Божественный правитель

нуждался в деньгах для своих увеселительных проектов и вполне резонно полагал, что можно поправить дела казнями и отобраением в казну земель.

Он только не видел или не хотел видеть наличия у трона трех крупнейших группировок, борющихся за власть. Тамеры совместно с Витонами избавились от Шифдекеров. Это еще не край, канцлер по происхождению из связанного семейными узами рода, а не истинный Шифдекер. Тем не менее, это достаточно серьезно бьет по их влиянию. Как водится в подобных случаях, с высоких постов близ императора снимают уже без головы, а принадлежащие казенным земли уходят в казну.

– Тамеры нам враги с давних пор, и ничего хорошего не ожидается.

– Будущий муж все равно появится не раньше весны. Перевалы закрыты. Свадьба состоится не раньше весеннего равноденствия.

– Зато его воины уже тут. И это прекрасно. У кого сила – с тем вынуждены считаться, а мы можем решать свои задачи еще до законного бракосочетания.

Финансовые дела государства требовали постоянного внимания и мудрости, а правителя Империи таковым назвать было нельзя. В кратчайшие сроки он умудрялся проматывать огромные суммы на прекрасные здания в Карунасе, ничего не уделяя от своих милостей окраинам государства.

Наследники угодивших в опалу должны быть благодарны, что их вообще в живых оставили. Бывает, когда всех по мужской линии истребляют без раздумий. Кому нужны затаившие злобу? Правда, сейчас император, как обычно, проявил мягкотелость и недалекость, сохранив жизни остальным, но это ничего нового в столичный расклад на ближайшие годы не добавило. В будущем – кто знает?

Для живущих на другом конце Империи, за морем, куда известия доходят с изрядным запозданием, а в зимнее время при отсутствии навигации лишь окольными путями и с почтовыми голубями, – это могло обернуться в любую сторону. Сейчас у трона идет передел власти, скоро появится новый наместник в провинции, а это всегда чревато неприятностями. Установленные связи рвутся, новые еще требуется завести. Какие инструкции получит в столице – неизвестно. Перемены всегда к худшему.

Наместник являлся олицетворением высшей власти. Он определял величину налогов, ему подчинялись вооруженные силы, недаром даже в тексте обычной вассальной клятвы фема присутствовало обязательство ее нарушить, если Империя потребует. Он решал все проблемы юридической сферы: от назначения судей до непосредственного участия в судебных делах.

Законы провинции не имели к нему отношения, поскольку он был имперским гражданином, а имперские законы не имели силы, поскольку он судил жителей провинции. Наместник практически всесилен. С новым опять придется договариваться и искать подходы.

– Дорогой лорд, – твердо сказала Лиана, – вы, наверное, правы, но в данном случае интересы моей госпожи отнюдь не совпадают с заботами герцога. Как жене тцаря, ей важнее обеспечение личных прав.

– Браво! – восторженным тоном произнес Монихеэм, причем все так же тихо. – Дама на защите интересов госпожи! Интонации безупречны, слова правильны!

– Я абсолютно серьезна.

– Я тоже. Мы служим Чапарам, и что хорошо для них – хорошо для нас. Если ничего не изменится, – он ухмыльнулся краем рта, – и мой господин неким божественным чудом не научится любить женщин, сын твоей госпожи станет следующим герцогом. Значит, герцогство должно не только сохраниться от загребущих ручек столичных кланов, а еще и укрепиться. Желательно расшириться. Изабелла и Блор кровно заинтересованы в этом. Уж постарайся ей толковать.

– Усыновление, – пробормотала Лиана.

– Император не позволит, и это знают все. Стоит сделать шаг в эту сторону – и сюда придут войска, внезапно обнаружившие заговор.

– Он и этой свадьбы не одобрит. Все в курсе – те люди вне закона.

– Зато Блор имеет силу. Кто обладает ею, того чтут и ищут у него прибежища и защиты. Лишенного силы покидают все. Блор молод и быстро поднялся. Таких не любят, и они имеют кучу врагов. Зато он может себе позволить пренебречь приказами кого бы то ни было. Его уже боятся, потому что он рисковал жизнью и выиграл. И снова сделает это, если ставки окажутся достаточно привлекательны. Император допустил огромный промах, сделав его противником. Нам, в отличие от недоумка из столицы, нужен готовый на все союзник, и нам его поднесли на золотом блюде. А Изабелла... Кто сможет лучше направить его, чем жена?

– Конечно господин, – сказал он громко, красиво кланяясь и отступая к дверям: прием закончился, герцог исполнил долг и удаляется, позвав приятеля за собой.

– Мне страшно, – сказала Изабелла, задумчиво глядя в окно, не замечая людей за ним.

Не обернувшись и когда они остались с Лианой наедине. Служанки уволокли подарки и без вызова не вернутся.

– Это нормально... – подходя сзади и осторожно обнимая госпожу, сказала женщина.

Изабелла потеряла мать, когда ей было одиннадцать, а Лиана стала ее тенью с шести.

Она всегда рядом с советом и помощью. От вытирания носа до выслушивания мечтательных откровений. Если герцогиня с кем и говорила свободно, то со своей придворной дамой. Правда, это не мешало миледи временами капризничать или гневаться, употребляя не подобающие положению грубые слова, но жизни без своей телохранительницы и старшей подруги она не представляла.

– ...Хотя не произноси этих слов никогда при других.

– Знаю, знаю, – пихнув ее локтем в живот, заявила Изабелла. – Необходимо внимательно подбирать слова в общении. Даже при слугах не говорить «Я боюсь» или «Я не знаю, как поступить». Важно выглядеть уверенной в себе при любых обстоятельствах. И все же мне страшно. Мое детство счастливое закончилось. А впереди – неизвестность. Пусть он молод, удачлив и богат, станет ли мне когда-нибудь столь же беззаботно, как здесь?

– Наш мир так устроен, – говорила Лиана на ухо, – что желания наши сбываются крайне редко. Так решили боги, и абсолютно правильно. Если все исполняется, жизнь скучна и неинтересна. Протяни руку – и все получишь без труда. А раз не надо прилагать усилий, нет и ценности в доставшемся даром. Но в каком бы бедственном положении ты ни оказалась, нельзя поддаваться страху. Всегда нужно броситься навстречу опасности с радостью и удовольствием.

– И в чем счастье смотреть, как чужой человек, ни разу не виденный, назначается мне в мужа из политических соображений? Наверняка ведь так же чавкает и хватает руками все подряд, как этот Скодр, – ядовито сказала.

– Может, кто и ест не так, как мы привыкли, однако этот человек гость твоего дома, – яростно произнесла Лиана. – Ты хозяйка и не смеешь срамить свой род, проявляя неуважение к приезжему.

– Поучаешь? – забыв про свои расстройства и сомнения, обиделась миледи. – Меня?

– Ну если у самой ума-разума не хватает, чтобы слегка задуматься, только мне несчастной и остается. Столько лет долбить одно и то же – и все впустую!

– Чего такого мне на тему будущего мужа много лет говорила? – изумилась Изабелла.

– Роль мужчины в семье – обеспечить нормальную жизнь женщине. Она имеет ценность в обществе как счастливая супруга, хранительница судьбы своего мужа и мать сыновей.

– Как же, – сердито сказала миледи, отстраняясь, – все уши прожужжали песнями о спасении героями прекрасных дам от алчных преступников и насильников. И не менее героическими сагами вроде «Баллады о Рани». Сущность фемства! – она фыркнула. – Конечно, в песне звучит красиво, но как представишь наглядно, так блевать тянет!

Звучала баллада в высшей степени похвально, но вряд ли правдоподобно. Молодой супруг отправляется на бой с врагами, мучаясь и страдая от вынужденной необходимости покинуть молодую супругу на следующий день после свадьбы. Даже написал письмо на первом же привале, упрасывая прислать нечто напоминающее ему о жене. Страстная мольба с множеством кудрявых эпитетов. Ну та не растерялась и, не колеблясь ни мгновенья, отрезала собственную голову отцовским мечом. Одним ударом. Пусть имеет ее часть и не отвлекается на письма в сражениях.

В песне он крайне воодушевился столь замечательным подвигом и готовностью оказать помощь воину, помчался в атаку, держа пованивающую голову в мешке у седла. Все же гладкая кожа и мраморная белизна личика (согласно одному из куплетов) должна была несколько подпортиться за время хранения.

Нападавшие на владения героически рассеяны и истреблены. С чувством выполненного долга возвращается домой. Слушатели рыдают от переполняющих чувств. Жена не помешала исполнить важнейший долг, еще и воодушевила на ратные достижения.

– Главное, не на людях, – серьезно сказала Лиана.

Она достаточно практична, чтобы не верить в подобные легендарные подвиги. В балладах так принято, но принимать всерьез? Если тот воин испытывал настоящие чувства, его не могли обрадовать привезенный череп и труп супруги. Это надо быть вконец ненормальным.

– Понимать данную вещь желательно иносказательно, – сказала Лиана вслух. – Жена должна встречать совместно с мужем любые трудности. Только в том случае, когда все мужчины в роду погибли, женщины могут выступить как воительницы и защитницы интересов клана. Прежде всего своих детей.

– Ага! С мечом в руке, – Изабелла покрутила рукой и показала выпад.

Плохое настроение у нее долго не держалось. Зато когда ей требовалось, миледи становилась настойчивой и не забывала напомнить о своих интересах и предложениях дополнительно. Уж этого она никогда не упускала. Приняв решение, ломилась прямо к цели или двигалась к ней обходными маневрами, но без колебаний давила, пока не достигала успеха.

Могла заставлять, а могла и убеждать в зависимости от ситуации и важности. Начав дело, она практически всегда доводила его до конца. А в тех немногих случаях, когда по неким независимым причинам исполнить не выходило, откладывала, не забывая. Настойчивости и умения действовать у Изабеллы никто отрицать не мог.

– У умной женщины найдется масса других методов воздействовать на мужчину. Красота уходит. Обвиснет грудь, пропадет свежесть, и даже постельное образование не всегда поможет. Найдутся моложе и ничуть не хуже. Зато стать полезной в делах – дело не просто полезное, еще и выгодное. Кому поручить управление, коли рядом мать сына, знающая планы? И не говори, что не задумывалась об этом! Он молод, и судя по разговорам, охотно пользуется чужими советами, идущими на пользу. Зная слабости, использовать можно кого угодно. Только нужно сделать это так, чтобы он искренне верил, что твоя мысль – это его идея.

– Мужчине не так просто втолковать, какой путь самый правильный.

– Отношения между супругами никогда не бывают простыми. Живя рядом, вы невольно узнаете недостатки и достоинства друг друга. Не только ты, у него тоже появляется определенное мнение. В отличие от родителей или брата, он не обязан уступать и гладить тебя по головке. Начнешь излишне надоедать – отгородится, и конец возможности влиять на политику.

– Я не собираюсь давить сразу, – усмехнулась Изабелла. – Но и послушно действовать в интересах брата или нашего дорогого лорда Монихеэма. Не настолько я глупа, чтобы подменять управляющих или следовать вашим советам без оглядки.

Человек растет, когда ему тяжело, молча кланаясь, подумала Лиана. Не верится, что все окажется так просто. Моя девочка любит веселую жизнь и подарки, но надеюсь, когда придет время, она сумеет повести себя правильно. Двор Блора – место мужчин. Давно никто не заме-

чает древних правил вроде «фем не пользуется ничем, помимо добытого личной доблестью». Никто не возражает принять в подарок землю и обязаться за это выступить по первому зову.

Осталась одна внешняя сторона – как в пресловутой балладе, коих полным-полно. Храбрость, щедрость, благородство превратились в редкость, в отличие от коварства, расчетливости, подлости. И все же в некоторых отношениях ничего не изменилось. Они привыкли воевать и не имеют куртуазных манер. Можно лишь надеяться на лучшее.

– А ты поделишься, – застенчиво сказала Изабелла, что для нее было совсем не характерно, – как лучше привлечь мужчину в постели? Ты ведь знаешь!

– Конечно, – согласилась Лиана с готовностью.

Она давно ждала вопроса – и хорошо, что подталкивать не пришлось. В свои девятнадцать при общем мнении перестарок, Изабелла, конечно, имела представление, чем занимаются в постели по ночам супруги. Тем не менее, девственность ее являлась, вопреки всем разговорам, самой настоящей. Дочь и сестра герцога не могла оказаться отправленной назад со свадьбы по данной причине.

В этом отношении она была не то что наивной, однако практики не имела и про похождения своей подруги знала, хотя никогда и не требовала отчета. Лиана служит по клятве до смерти и замуж выходить не станет. Зато и ограничивать себя не обязана. В некотором смысле даже лучше. Сама имеет право выбирать подходящего на ночь или более длительный срок. На самом деле она старалась избегать привязанностей. Подобные вещи мешают службе, отвлекая от ее прямых функций охранять госпожу.

– Что ты хочешь услышать? – спросила ласково.

Поделиться полезным опытом, как стреножить мужика, – дело для молоденькой девушки наиважнейшее. Жаль, нельзя устроить практического урока. Со стороны все не то.

Глава 6. Выиграть без боя

Перед рассветом у стен Ваги появились конники. Подскакав к воротам, обстреляли караулы и демонстративно-медленно удалились, выманивая наружу и вызывая на бой. В отличие от излишне буйных соплеменников, Мур эти штуки хорошо знал и попадаться на них не собирався. Обычная тактика. За кавалеристами не угонишься, а строй удержать не удастся. Так и перестреляют бегущих без особых проблем.

Впрочем, ничего хорошего их не ждало при любом повороте. С самого начала он чувствовал запах крови и старался держаться отдельно от общего стада, прущегося без раздумий за копьей. Он достаточно ходил в набеги и, случалось, терял в них людей, но ни разу не остался без добычи. Думать всегда полезно, и больше всего на войне. Тем паче когда у тебя отсутствует тыл.

Поэтому он и успел увести своих воинов после разгрома армии. В дороге их несколько раз проверяли на прочность, однако у конницы имелись и более легкие цели, чем двухтысячный отряд, отступающий плотным строем. Если бы не обоз, с остальными он бы безусловно оторвался и ушел. Бросить доверившихся ему людей из своего клана никак невозможно. На чужаков он бы легко плюнул, но здесь предпочтительный вариант просто не существовал. Его бы даже дети не поняли.

Вагу они взяли не так давно и первоначально не собирались в ней долго оставаться, а уж тем более защищаться. В результате частокोल местами так и остался повален. На крутые склоны холма, облитые еще дополнительно водой, превратившей подъем в каток, взобраться не так просто. Хуже, что внутри скопилось почти тридцать тысяч человек, из которых лишь пятая часть мужчины, а его людей не выше трети. Выгнать лишних он не мог, прокормить их – тоже. Достаточно осаждающим просто сидеть под стенами, ничего не делая, – и осажденные через пару недель съедят всех животных и примутся друг за друга.

Рей знал, что он выглядит излишне молодо и многие косятся, что ему доверили сотню. С мечом в руке он не хуже множества других, однако эта кампания для него не просто первая, а еще удачный момент себя показать. Безусловно, он обязан исполнять приказы, но их можно выполнять по-разному, размышлял он, старательно поглаживая едва намечающуюся бородку. Никому не рассказывая, он надеялся с ней выглядеть взрослее и солиднее, правда, пока она едва намечалась.

Ничего умного в голову не шло. В его сотне, да и все остальные из его полка в качестве главной ударной силы использовали длинное копьё, позволяющее нанизывать на острие, не подпуская к себе, пехотинца, но это для тяжеловооруженных, в полной броне. Основная масса использовала короткий составной лук. Таким пользовались кочевники, и Блор в свою личную кавалерию отбирал лучших. В деревнях мальчишки начинали упражняться в стрельбе с раннего детства. Это само собой разумелось и было обязательным для мужчины.

Рей умел и заметно опережал в этом отношении остальных Граев. Он не особо гордился победными результатами, прекрасно зная о причинах, их вызвавших. Нет в этом его заслуги, как в их промахах вины. Так сложилась жизнь. Отец научил его отражать стрелы, уворачиваться от них или отбивать подручными предметами. Франк и вовсе делал из воспитанников мишени для тупых стрел, постепенно наращивая интенсивность стрельбы и количество лучников. Приятного в этом мало, все тело в синяках.

Зато когда сел на коня и сумел не хуже опытного кавалериста на ходу пробить доспехи и попасть в цель, мог с чистой совестью получить под начало воинов. Правда, пару раз его ощутимо потыкали в ошибки и опять же в отсутствие опыта, но уж во всяком случае справлялся не хуже многих других. И советов десятников сходу не отвергал, лишь бы утвердиться в положении.

Он знал с кого брать пример. Блор всегда спокойно выслушивал, хотя бы и говорили поперек намеченного. Ответные речи обдуманно, полны смысла и учитывали возражения. Победа – всегда победа, и не так важно, кто указал к ней правильный путь. Запомнят командира.

– Эй, – заорали гулким басом со стороны вала, – кто у вас главный?

На частоколе во весь рост выпрямился могучий верзила в богатых доспехах.

– Можешь сдаться мне, – ответил Рей со смехом, прикидывая, не сумеет ли достать его стрелой, – главное не бывает.

– Я – Мур, сын Бренана, – взревел бородатый гелонец, гулко стуча себя по окольчуженной груди огромным кулаком. – Я известен на островах, на берегах Студеного моря и ходил в набеги на западное побережье! Моим именем пугают детей матери! За мной тысячи воинов. Не тебе, сотник, равняться с вождем!

Если он что твердо выучил за свою достаточно долгую жизнь, за сорок, для человека его образа жизни заметный срок, немногие доживали, то – важность позаботиться о первом впечатлении. Сейчас можно и похвалиться, пусть в произнесенном отсутствует ложь. Разговаривать с обычными кнехтами он не собирался. Не про них честь.

– Вон их сколько, вождей, на поле валяется, – ответил молодой голос. – Не ты первый, не ты последний. Бросайте оружие, или всех перебьем.

Угрожал он не зря. Лагерь пал почти сразу после поражения в битве. Конница южан ворвалась на плечах отступавших внутрь и посекала немногих защищавшихся. Занятые сопротивляющимися и добычей, они мало обращали внимания на остальных. Только поэтому Мур успел отойти к своим людям с остатками отряда и подготовиться к бою.

Заодно в единственное место, где готовы были защищаться, сбежалось множество народу. Воины из чужих отрядов и с кораблей, недобитые переселенцы из других лагерей. Естественно, победители атаковали сначала более легкую добычу, однако рано или поздно дошла бы очередь и до них. Уползти, прикрывшись телегами, им не позволяли кавалеристы, обстреливая из луков. Ждать дальше становилось опасно.

– Тело человеческое преходяще, – для всех сразу проревел Мур, – лишь одна душа вечна. Смертью жителей островов не запугать. Мы каждый день ее видим в темных водах океана, в сползающем с гор льде и готовы встретить ее с облегчением. Как одежду изношенную, сбросим тело – и отправимся на суд к Владыке Мертвых. Кто погибнет, защищая родственников, скоро возродится сызнова! Мы не умираем, мы возрождаемся снова в зависимости от наших деяний!

– Ты не жрец часом? – заорали в ответ. – Проповедь читать начал.

Рей откровенно ухмыльнулся – ему такое представление нравилось. Франк долго и упорно вбивал в него правильное понимание сути фема. Самое время выступить для слушателей.

– Ты хочешь нас этим удивить? – крикнул в ответ. – Дом, в котором родится фем, – достаточно громко, чтобы слышали у ворот провозгласил, – временное пристанище. Мы принадлежим войне и полю, где происходит сражение. Для боя родились, и в том ремесло наше и умение.

Его сотня поддержала высказывание одобрительным ревом.

– Долг фема – напоить землю кровью врагов, иначе зачем он живет на свете?

– Главного давай, – ответил Мур на выпад. Спорить у него желания не было. Все же не жрец и в тонкостях верований не особо разбирался. В принципе эти слова столь же правильны, как и его. И оба прекрасно знали, к чему сказаны. – Разговор имеется.

Он не особо удивился или обрадовался, когда от кучки всадников отделился один и, не торопясь, направился к дороге. Вполне ожидаемо. Сотник он и есть сотник – доложит и станет ждать решения. Ничем ведь не рискует в данных обстоятельствах. Удрать они все одно не смогут, при всем желании.

– Надеешься? – криво усмехнулся Овейн.

– Моя мать всегда говорила, – пробурчал Мур для старшего товарища: – «Пока жив, не поддавайся отчаянию. Пока можешь думать, заботься о роде». Со слабыми считаться никто не станет, – сказал после паузы, – вот и требуется быть сильным.

– Если гореть, так ярко! – поддержал Овейн. – Чтобы запомнили!

Отряды двигались не торопясь. Уже не имело смысла гнать лошадей, отрываясь от пехоты. Вагу блокировали, и до самых берегов Студеного моря особого сопротивления не ожидалось. Конечно, далеко не всех убили или поймали, но кто попался местным воякам, присоединившимся к его армии, тому пришлось отдуваться сразу за все совершенные преступления. Об этом в очередной раз всю ночь напоминали душераздирающие вопли.

Никто не морщился. Все в курсе: выиграй битву северяне – и сейчас они бы кричали, пытаемые. А то и хуже. Гелонцы иногда приносили в жертву пленных на насыпанном над погибшими кургане. На самом деле такими вещами грешили практически все на севере, и ничего ужасного или из ряда выходящего в происходящем не присутствовало. Каждый почитает богов, как он считает правильным.

Кровавый пир и похороны погибших продолжались двое суток. Блор допустил это сознательно. Иногда важно дать выход ярости и мести. И люди устанут, и жажда крови поубавится. Прикончить сразу после боя, еще в горячке и зная про друзей, погибших и пострадавших, всегда проще, чем под вечер. Уже и гоняться за отдельными беглецами не хочется, что не так давно продемонстрировали буквально рядом. Развлечение устроили на потеху зрителям в их лице. Отпускать пленных бежать к лесу по полю и, догоняя, рубить.

Кампанию они выиграли, а не просто битву, – это в курсе все. Не просто победа над сильно превосходящим по численности врагом. Никогда раньше такие крупные армии не приходили с севера. А воевать островитяне ухитрялись неплохо. Не в одних набегах на чужие племена выковывалось это умение. И между собой постоянно шли свары и схватки, нередко заканчивающиеся истреблением целых родов. В подобной обстановке трудно найти не умеющего обращаться с оружием.

Тем важнее поражение гелонцев. Блор победил не за счет случайности, а благодаря правильным действиям полководцев, стойкости кнехтов и массированному применению кавалерии. Неожиданность появления, спланированность кампании, да и наличие тяжелой конницы – все эти вещи тщательно готовились заранее и проведены в лучшем виде на практике. Три победы подряд – это на удачу не спишешь. Боги поддерживают пришедших с юга, даровав им тцарство, а теперь и новый триумф, без малейших сомнений знал отныне весь север.

Ничего удивительно: что кто из гелонцев может – бежит, а кто не успел – пытается договориться. Интересно, что он может предложить, глядя на приближающегося человека, думал Блор. Еще не старый, однако в возрасте. Доспехи хорошего качества и имперской работы. Не иначе взял в набеге. Оружие в простых ножнах. Любопытно. Ни особых украшений, ни выставленного напоказ богатства. Это серьезный воин и пришел сам. За ним присутствует сила, позволяющая заткнуть глотки куче молодых и буйных.

С коня Блор слезать не собирался, и не из боязни. Уж с одним самым могучим бойцом Возмездие расправится и без его помощи, лелей островитянин коварные планы. Только вряд ли. Даже умные предпочитают решать все вопросы при помощи клинка, без особых хитростей. Тут другое. Достаточно важно показать, кто тут стоит выше. Уважение проявляют к равному, а не просителю.

– Я – Мур, сын Бренана, – остановившись на расстоянии трех шагов, провозгласил воин, – вызываю тебя на бой перед лицом Вечно Живых.

Возмездие довольно фыркнул. Враг не боялся, решимость из него перла, и схватка обещала выйти интересной. Хоть и не самый шустрый экземпляр, зато опыт великий.

– Я могу его прикончить?

– Подожди, это мы всегда успеем.

– Ты все время не пускаешь меня в драку!

– Твоя забота меня беречь, а не воевать. Помолчи.

– И зачем мне это? – удивился вслух Блор, довольный, что не ошибся. Ну совсем нет фантазии у людей. Коварства сколько угодно, а далеко не заглядывают.

– Победив меня, ты получишь все. Моих жен, детей, имущество и народ.

Что-то такое ему рассказывал про обычаи островитян Чипинг. На поединке воин не должен применять оружия против не облаченного в кольчугу. Если враг выступает со щитом, его противник также должен защитить себя соответственно. Сражаться надлежит один на один, и если противник ослабел, оставить его в покое. Победа, запятнанная бесчестьем, никогда не будет дорогой на небеса. Такая ослабляет и человека, и землю. Здесь, впрочем, не божий суд и тем более не встреча кровников.

– Ага, вы живете по древним правилам. Вот я-то не собираюсь вручать никому своих кнехтов даже после гибели. Они меня просто не поймут и не послушаются. Свободные люди.

– Ты испугался!

– Он оскорбил Повелителя! Можно я прикончу? – обрадовался Возмездие.

– Ты не чувствуешь? Он сам нарывается на гибель.

– И при этом ставит условия. Какая разница в чем причина. Убить!

– Вот это самое забавное. Умереть недолго, и я ему для того не требовался. Нет, он хочет чего-то. Сильно хочет.

– А у меня впечатление, что ты просто хочешь умереть красиво.

– И не надейся на легкую победу – старательно не слушая, провозгласил вождь. – Я таких мальцов в жизни много покрошил.

– Ты громче крикни, – доброжелательно посоветовал Блор, – а то, может, кто не услышал за спиной.

– Боги слышат все.

– Мои мозги без участия высших существ еще и подсказывают о достаточно простенькой ловушке для горячих парней.

– Даже если так, – набычившись, сказал северянин, – какая разница? Я не прошу о милости. О божьем суде.

– Хитро, – одобрительно кивнув, согласился Блор. – Но сам подумай: на что мне сдались твои старые жены и сыновья возрастом, пожалуй, постарше меня. Это же смех один – кормить их, поить, воспитывать. И потом – что за радость победить старика? Убью – за спиной станут шептаться о бессмысленной жесткости и отсутствии почтения к старшим. Ты ведь и так мертвый. И все вы там, – Блор показал на холм с частоколом, заполненный напряженно смотрящими на беседующих.

– Попробовать стоило, – угрюмо заявил Мур, извлекая меч.

– Теперь можно? – напрягся Возмездие.

– Он по-прежнему говорит, а не нападает.

– Ничего не совершая, и успеха не достигнешь. А ежели не сумеешь, так люди видели – пытался. Так или иначе, драться тебе придется. И со мной, и с остальными. Это будет последняя битва.

Такое случалось не часто, и словами не бросались. Лишь в самом крайнем случае, не имея иного выхода, помимо смерти, звучал клич. В последней битве принимали участие все, и никто не просил о снисхождении, бросая оружие. Они шли умирать и не давали пощады врагу. Результатом вполне могла стать гибель не только всего клана, но и страшные потери у атакующих.

– Не торопись, – сказал Блор, не двигаясь.

На самом деле ему очень хотелось вырезать всех до единого, навсегда поставив точку в дальнейших набегах. Фактически здесь собравшиеся – последние сохранившие готовность драться. Показательно уничтожив, он станет причиной гибели практически целого народа. Такое остается в памяти людской на века, но он совершенно не мечтал о подобной славе в детстве!

– Возможность умереть с честью я тебе предоставляю при любом раскладе. Боги непостоянны, жестки и любят обманывать, не стоит полагаться на их призрачное внимание. Для начала попробуй уговорить меня. И не надо лгать даже в мелочи. Поймаю на лжи – разговор закончен. И ты умрешь, и твои люди.

– Ха! – воскликнул Мур. – Нормальные люди всегда врут. Жене про ее замечательный вид, родителям, детям, собственным людям. И часто для их же пользы. Абсолютная честность бывает лишь в одном случае – на поле боя. Когда вы стоите против всего света плечом к плечу, ты не смеешь сомневаться в соседе. Ты должен быть уверен, что он не сделает шаг в сторону, спасая себя, а будет держаться до конца вопреки всему. Это честность. Единственная и неповторимая. Все остальное – ложь.

– Справедливо, – кивнул Блор. – А теперь ответь, что для тебя важнее – сохранить свой клан или продолжать им руководить? Что главное – жизнь и свобода людей или твой род во главе и слава?

– Слава бывает разной, – ухмыльнулся в бороду вождь. – Плохую помнят ничуть не меньше.

– Я устал от крови, – честно сознался Блор.

Гелонцы могут плохо относиться к твоей стране или племени, но в первую очередь видят перед собой человека. Если усматривают храбрость, верность слову, достоинство, порядочность и уважительное отношение к себе – беспричинной враждебности проявлять не станут. Даже хорошо знакомого врага выслушают. Уж такое воспитание дают матери на продуваемых холодными ветрами островах.

Мур подивился на признание, счастливый в душе. Удача от него не отвернулась! Неужели вышло? Он получил свое чудо! За такое можно и под топор палача.

– Сложите оружие – и не придется умирать.

– Они не станут рабами, останутся свободными?

Собеседник молча кивнул. Блор и так заполучил многие тысячи пленных. Причем старых, больных или искалеченных среди них не имелось. Таких добивали сразу, фактически совершая благодеяние. Павшие от меча угодны северным богам да и не станут задерживать на будущем пути к теплым морям. Мужчин среди них меньшинство, взрослых проще убить, чем сломать, да и цена невысока. Женщины и дети – другое дело. Их охотно разберут. Многие из них, не желая себе и детям участи рабов, убивали их и кончали с собой, лишь бы не попасть в плен.

По-любому от будущей продажи выходил достаточно крупный куш, чтобы искать новых рабов и терять кнехтов в атаках. Иногда имеет смысл выступить великодушным. Сделав широкий жест, абсолютно ничего не стоящий, и протянув руку – легко получить от окружающих прославление на всю жизнь.

– Отдать жизни за остальных – великое дело. Об этом петь станут, пока существует север, – довольно признал Мур.

Ну вот, не он один думает так. Только обойдется. Спаситель и еще один герой без надобности. Блор великодушен, однако не настолько.

Четверть армии вышла из строя. Командир второго полка Истр и Камай погибли. Вот последнего не жалко. Слишком независимо себя вел, имея за спиной поддержку одного из сильнейших племен – озерчан, а прямых причин избавиться не имелось.

До идеи травить или подсылать убийц он еще не дорос, да и опасно, пусть и имея исполнителя вроде Денеса. Чересчур на виду, и многим не понравилось бы. Поставить неудобного вместе с его бойцами на самом опасном направлении – дело совсем иное. Никто заранее не мог знать, когда произойдет сражение. А центр – безусловно, самое почетное место. Выжил бы – имел бы повод для гордости.

Эрлинг тяжело ранен, потерял кисть руки. Тут и магия не поможет, быть ему навечно одноруким. Несколько десятков командиров рангом пониже тоже погибли. Совершенно не утешает огромная победа и бесконечные колонны захваченных в плен. Это еще не конец. Если начал, придется продолжать, и дополнительные потери ни к чему. А они будут обязательно. Загнанный в угол заяц способен порвать лису. А здесь не грызун мелкий, а тысячи воинов, не желающих сдаться.

– Мне не нужны были эти сражения. Приди вы ко мне и предложи свои мечи на службу – нашел бы и землю, и возможность прокормить семейства. Вы предпочли другой путь.

– Хм, – достаточно внятно произнес Мур.

Похоже, он вовсе не туп. Да вожди редко таковыми бывают. Даже на островах одним клинком власть не удержать. Соображать приходится. Всегда обнаружатся конкуренты, стоит дать промашку. Хорошо если явные, а то недолго найти среди вчерашних друзей. Приходится заранее *провоцировать на грубости и проступки, влекущие за собой наказания и изгнания. Одна беда – сегодня весь народ отправился в неизвестность, и привычная обстановка исчезла.*

При всем желании тцарь не смог бы принять одноразово двести с лишним тысяч человек. Особенно вспоминая, что у них три десятка только крупных объединений и все тянули в разные стороны. Да и странно было бы обращаться через головы местных с подобными просьбами, тем более что и так прибыли послы с прощением о пропуске. Вполне пытались договориться, еще и потому не ждали неожиданного удара и всерьез не готовились.

– Не суть важно, – сказал Блор, обрывая себя. – Все, – он показал на город, – выйдут и принесут мне клятву на огне и мече. Отныне и до смерти. Кто не согласен – умрет. Отказов в любом виде не потерплю. Либо преклонят колени и получат оружие и командиров от меня, либо смерть. Воинов я распределяю по своим отрядам.

Может, удастся со временем получить дополнительных Эрлингов, Чипингов и не хуже них. А нет – ничего не теряю. Пара тысяч дополнительных кнехтов, пусть и придется за нарушения вздернуть сотню-другую, – вполне удачный результат. Потери почти восполнятся. Да и не придется терять дополнительно при штурме.

– Остальные пойдут, как и мечтали, на юг, – продолжил. – Землю и прокорм на первое время выделю. Жить в дальнейшем станут по законам тцарства, а не островов! Это ясно?

– Да, – подтвердил Мур. – А что со мной? С нами? – поправился, готовый к чему угодно.

– В моем лагере находится высшая жрица Дочерей Смерти. Та, что слепая.

– Да, – недоумевая, подтвердил северянин, – я слышал о ней. Кто же не знает высшей.

– Она умирает, – пояснил Блор, в очередной раз довольный присутствием Возмездия и его помощью.

Заявившиеся без приглашения в гости пришельцы и пришелицы, а верховная не путешествует одна и без охраны, так и не объяснили ничего. Хорошо иметь личного демона, видящего скрытое от глаз. Иначе бы так и не разобрался в происходящем.

Возмездие ответно послал импульс довольства. Ему всегда нравилась похвала. Зря повелитель ею не разбрасывается.

– И прежде чем это случится, хочет вернуться на родной остров. Я не знаю его названия, – поднял он руку, останавливая готовый сорваться с уст гелонца вопрос. – И меня не интересует, как туда добираться и сколько. Отберешь полсотни человек и сопроводишь. Да хоть сотню. Сам решишь. Хочешь – воинов, хочешь – жен или детей. Мне все равно. До самого конца будешь находиться рядом, и не суть важно, сколько продлится. Единственное условие:

нарушение влечет за собой мое большое недовольство. Может отразиться и на твоих людях. Это ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.